

СТЕПАН
КАЛИТА

ЗАПИСКИ
СОЦИОПАТА

Степан Калита
Записки социопата

«Автор»

2013

Калита С.

Записки социопата / С. Калита — «Автор», 2013

Перед вами история о молодом человеке, который в «лихие девяностые» пытается строить бизнес – и сталкивается с произволом правоохранителей и бандитами. Эта книга – о преодолении трудностей, которые встречаются на жизненном пути далеко не каждого мужчины, она – о взрослении и становлении личности под давлением очень непростых обстоятельств.

© Калита С., 2013

© Автор, 2013

Степан Калита

Записки социопата

Только человек с тонкой душевной организацией может так выглядеть в моем относительно еще юном возрасте. Очень хреново. Я помят, регулярно умираю от похмелья, у меня постоянно скачет давление, и вообще – я, в сущности, очень больной и старый человек. Я неоднократно слышал, что внешность у меня нестандартная, и нос сделали хреново. И голова шишковатая – последствия все той же сложной операции.

Не думаю, что молодой хирург, которому предстояло собрать меня по кусочкам, слишком старался. У него была холеная внешность человека, уверенного в собственной безупречности (такие чаще всего встречаются среди адвокатов) и выводок девочек-студенток в качестве постоянного сопровождения. Девочки также присутствовали, когда меня разбинтовали и представили им – для подробного изучения моей изувеченной физиономии. Они наблюдали за операцией, восхищаясь работой педагога и обилием вытекающей из меня крови. Эти же студенточки опрашивали меня в палате уже после того, как операция завершилась.

Поначалу они не могли расслышать, что именно я говорю. А я не мог извлечь из себя ни единого членораздельного звука. Но потом мои отчаянные: «Пошли вон, стервы!» и «Да будьте вы прокляты!» их нежный слух все же различил. Надо ли говорить, как они были возмущены. Ведь им нужно было писать курсовые, а я категорически не желал отвечать на вопросы, испытывая сильную боль...

* * *

Внешность моя необратимо изменилась в возрасте примерно двадцати двух лет после весьма неудачной драки и последующего восстановления в обычной московской клинической больнице. С тех пор, я не знаю, как я выгляжу. Тому, кто никогда не менял лицо, сложно объяснить это ощущение. Помню, как разматывал бинты, стоя перед зеркалом, и, когда снял их, ужаснулся, насколько я не похож на себя прежнего. С тех пор из зазеркалья на меня смотрел чужак – он скалился, улыбался, бывал сердит. Но никогда не походил больше на меня прежнего.

Много раз потом я размышлял, как поступил бы тогда, знай, что за этим последует. И неизменно отвечал себе: сделал бы то же самое. Я заступился за девушку.

Военное заведение, где люди становятся крепки телом, но не разумом, отмечало окончание одного из курсов, в парке. Курсанты пили водку. И в определенный момент некоторые из них, видимо, полностью утратили разум. Потому что схватили и потащили в кусты случайную прохожую. Что касается меня, то я шел мимо из университета, с портфелем, который больше никогда не видел. Поначалу конфликт выглядел вполне безобидно – они отступили, девушка убежала. Я тоже собирался покинуть поле несостоявшегося боя – но один из них вдруг ударил меня в лицо, и я упал, после чего на меня налетели стаей. Так бывает, когда от злости люди не думают о последствиях. Курсанты потоптались у меня на лице, разбежались и скучковались у лавочек, что-то пили, оглядываясь... Я смог встать. Далеко не сразу. Добрел до забора. Оторвал доску с длинным гвоздем. И вернулся. Этой доской я бил их не без удовлетворения. С холодной яростью и отчаянием. Я всегда ненавидел подонков. Гвоздь вонзался в тела. Помню тошнотворный звук, с каким я вырывал его. Меня снова повалили, били жестоко. Я уже мало походил на человека. Но снова поднялся и убрел, пошатываясь. Купил в местном хозяйственном два кухонных ножа. Продавщица смотрела на меня с немым ужасом. Но продала. После очередной схватки, – я располосовал ножами множество рук и ткнул кого-то пару раз в тело,

но, кажется, неудачно, – я потерял сознание, и меня увезли на скорой. День закончился около пяти вечера. А я пока нет...

* * *

Я лежал спустя сутки в палате, с перебинтованной головой, и думал, что жизнь закончена. Больше всего было душе. У меня она живая. Умеет до сих пор отзываться болью. Помню, было ужасно обидно, что я так рано умер. А эти, которые нападали «стаей», толпой на одного, будут жить. Возможно, доживут до глубокой старости. Интересно, думал я, как там та девушка? Она и представить, наверное, не может, что от ее спасителя остался кусок мяса с изувеченным лицом.

Один старичок – в двадцать лет, другой и в сорок пять – все еще молод, у него нет этой мрачной надломленности, загруженности, глубоких проблем, переживаемых людьми в возрасте. И кто вам больше нравится? Мне милее первый типаж – юный старичок. У него есть опыт. Может, уже и глаз тусклый, и усталость периодически накатывает, мучают депрессии и мигрени, он слишком много пьет – зато он все про вас и про жизнь, скорее всего, уже понимает.

Я был старичком, мне кажется, уже в раннем детстве. Мама потом, через много лет, говорила, что она всегда воспринимала меня опытным и взрослым мужчиной. В отличие от младшего брата, лишенного по этой причине свободы и подвергнутого сверхопеке. И я ей верю. Это досадная правда. Мне не хватало легкости моих сверстников. Зато я был наблюдательнее. Умел слушать. Анализировать информацию. И всегда хорошо учился...

* * *

Мы поговорили с врачом. Он интересовался, в основном, кто мои родители, и сколько я смогу заплатить за операцию. Я понял, что без денег мое лицо так и останется страшной маской. Умирать я к тому времени раздумал, душевные волнения прошли, стало казаться, что я выкарабкаюсь. Наивная простота. Долгие годы я не мог свыкнуться с новым лицом, мне предстояло с ним жить, но я пока не представлял даже – как. К родителям за деньгами по многим причинам обращаться было бесполезно: у них были свои заботы, своя жизнь, и связанные с ней серьезные траты. Я старался с ранних лет обходиться сам. Пришлось звонить друзьям.

Никогда и никого ни о чем не просил. Это ценили. Окружающие напротив – все время что-то от меня хотели, им казалось, что именно я смогу им помочь. И очень обижались, когда получали отказ. Обусловленный тем, что у меня есть глубокое убеждение – каждый должен сам справляться со своими проблемами, не загружая ими окружающих. И только в крайнем случае имеет права попросить о помощи.

Из всех моих близких друзей (хотя таковыми сложно кого-либо назвать), только у одного, у Дини, все судимости погашены. И то только потому, что он всегда умел договариваться. Ценнейшее качество, но не для меня – я не иду на компромиссы. Особенно с собой. Что касается друга, то он договорился с прокуратурой. Да и сам в свое время получил юридическое образование. С другими людьми, не имеющими шальной природы, удалой лихости, быстро становится скучно. В этих прочих нет отчаяния, им всегда есть, что терять. Они еще не осознали, что жизнь – в сущности, игра без правил, и справедливости нет, и не будет, как нет и единой правды. И надо обладать смелостью, какая граничит с постоянным осознанием, что рок маячит над тобой, и ты в любой момент можешь умереть. Если моя жизнь слишком комфортна, и я забываю об этой простой истине, то долго смотрю в зеркало. Мое новое лицо говорит мне: парень, ты, как и все мы, уже мертвец, приговоренный к смерти по причине рождения. Смирись с этим. И будешь счастлив.

Но это не значит, что осознание смерти должно привести вас к дурацкому умозаключению, будто каждый свой день нужно проживать, как последний. Вовсе нет. Каждый свой день

нужно проживать с достоинством. И помнить, что ты, скорее всего, ничего не успеешь понять, когда Смерть придет за тобой. А есть ли за последней чертой судилище, или все умершие друзья ждут тебя за широким столом Вальхаллы, неизвестно никому. Даже клирикам, наивно полагающим, что только им известна Истина.

Деньги мне привезли на следующий день. Я вышел в холл. Ощущал я себя египетской мумией. Чудовищно болела голова. Ни глаз, ни носа, ни ушей не было видно. Одна щель, через которую я мог обозревать агрессивный мир. И еще одна, где помещался мой рот с разбитыми опухшими губами.

– Спасибо, – выдавил я, взяв у Сереги конверт с деньгами.

– Держись давай. Мы все за тебя кулаки держим.

Я вяло кивнул.

– Извини, Серег не до общения.

Мой интеллект в очередной раз сыграл со мной любопытную штуку. Он разгонялся, как только я переставал злоупотреблять алкоголем, до такой степени, что я терял возможность общаться с людьми в их неторопливой манере. Они говорили слишком медленно, мыслили слишком медленно, они качественно не соответствовали моей стремительной модели мышления. Им недоставало совершенных синапсов в нервной системе, и это было слишком очевидно, чтобы я мог им это простить. А они не могли простить мою гордыню. Мне было дискомфортно общаться с ними. Они слышали только себя. И не могли воспринимать информацию в том темпе, какой я задавал.

Радость от общения с себе подобными, в результате, я испытывал, только принимая алкоголь. В отличие от газет, новостных ресурсов в интернете, научной литературы, люди не могли сообщить мне ничего нового. Пустой треп раздражал. Они были невыносимы. И я их не выносил.

Так и начинается социопатия. К кому-то она приходит от жизненных потрясений, кому-то достается по наследству в связи с несовершенным генофондом, а кто-то мыслит слишком быстро и методологически четко, чтобы в трезвом виде переносить человеческие существа.

Кажется, мой приятель, с которым мы обычно пили сутками, всерьез обиделся. Но он, по счастью, был достаточно проницателен, чтобы понять: я не том состоянии, чтобы ждать от меня не только общения, но и обыкновенной вежливости.

– Вот еще кое-что, – он сунул мне сумку и слегка постучал по ней ногтем. Послышался звон.

Друзья были настолько милы, что купили мне три апельсина и литровую бутылку водки. Сознаюсь, я всерьез подумывал в тот же день, а не выпить ли мне, черт побери. В конце концов, я вполне сносно перемещался по клиническому отделению. А от ужасного самочувствия водочный наркоз должен был помочь. Но потом благоразумие взяло верх, и я подарил бутылку соседу по палате. Он провел в больнице уже почти три недели, постоянно отказываясь от предстоящей операции. «У меня эмоциональный шок!» – говорил он. В конце концов, не только я, знакомый с реалиями жизни, но и врачи начали подозревать, что он бездомный. И выгнали его на улицу.

Случилось это через месяц, когда я уже пошел на поправку. Он был чрезвычайно возмущен недоверием и черствостью медицинских работников. И сказал дрожащим голосом, что сегодня непременно напьется.

За окном больницы открывался чудесный вид – морг и обширное кладбище, напоминая о моей бренности и особенностях российской медицины. Больным, считали врачи, не обязательно иметь хорошее настроение. Достаточно и того, что их лечат бесплатно. Ну, как бесплатно – за взятки. Но попробуй об этом упомяни – живо вылетишь вон, вместе со своей искореженной физиономией и острым языком.

Сосед по палате, пока его досадная тайна не раскрылась, очень любил поговорить. Поскольку первое время мне было тяжело поддерживать беседу, приходилось все больше слушать. Говорил он медленно и монотонно, не умея выстроить мало-мальски увлекательный рассказ. Под его бубнеж заснуть не представлялось возможным. Он мешал не только мне, но и другим больным нашей палаты. До сих пор не понимаю, откуда берется такое количество людей, обожающих пустой треп, но при этом неспособных донести хоть какую-то внятную мысль.

– Если соберешься жениться, Степа, – говорил он мне, – запомни хорошенько. Бабы – расчетливые суки. Жена все у тебя может отобрать – и сбежать. Ничего ей не давай. В квартиру не прописывай. Деньги держи у себя. И чуть что – сразу бей в морду. Баба, она как собака, любит сильную руку. Вот у меня была жена. И что ты думаешь, все получилось, как я и говорю – сбежала, падла, не прошло и полгода.

– Может, она оттого сбежала, что ты ей денег не давал и чуть что сразу бил в морду?! – отозвался из угла Валерик.

Валерик, восемнадцатилетний парнишка, лежал в больнице вторую неделю. Умудрился простудиться сразу после сдачи анализов, поэтому операцию ему отменили – ждали, когда он выздоровеет.

Я беспокоился, что могу тоже подхватить простуду, и тогда меня непременно ждут осложнения. Поскольку переложить Валерика было некуда, врачи приняли радикальные меры – стали пичкать всех в палате антибиотиками. Включая разговорчивого соседа. Таблетки он всегда ел с большой охотой – подозреваю, полагал, что все они очень полезны для здоровья.

Предположение Валерика соседу не понравилось. Он придерживался радикальных взглядов на женщин, переживая снова и снова коварство сбежавшей жены. Некоторым любителям пострадать только дай повод – они сами доведут себя до белого каления.

– Помолчал бы, парень, – сказал он. – Сука она была. Потому и пропала с концами...

Кстати, эту незатейливую историю я позже рассказывал нескольким приятелям – и постепенно она превратилась почти в анекдот. Во всяком случае, я слышал ее пересказ от одного малознакомого человека. И очень удивился.

Я сразу понял, что в отделении челюстно-лицевой хирургии хорошо спит тот, кто засыпает первым. В носы жертв отечественной хирургии были забиты целые мотки бинта и ваты, из отдельных ноздрей торчат трубки, рты всегда приоткрыты, чтобы жадно ловить спертый больничный воздух. Поэтому храп по ночам стоял чудовищный. В то время совесть меня почти не беспокоила, поэтому я спал, как страшный замотанный бинтами младенец, извергая самые причудливые и очень громкие звуки. Сосед утверждал, что я задыхаюсь во сне, и он, обеспокоенный моим состоянием, вынужден меня будить. Уверен, он просто не мог заснуть под нашу канонаду. Ему, единственному, так и не сделали операцию. Впрочем, он и не собирался ее делать. А здоровому человеку в палате с пятью издающими звериный рык монстрами по ночам было очень неудобно. Так, должно быть, чувствовал себя Одиссей в пещере циклопа.

Над нами находилась «Хирургия глаза». Между лестничными пролетами висел телефон-автомат – единственная доступная связь с миром. Сверху к нему ползли, цепляясь за стены, люди с окровавленными повязками на глазах. Некоторые перемещались довольно бодро, стучали по ступеням палками. Сразу можно было понять, кто только начал терять зрение, а кто ослеп уже очень давно, и успел освоиться. Приходилось часто помогать беднякам набирать номер – у меня, по крайней мере, оставались на поломанной физиономии глаза, а они пребывали в кромешной тьме, или видели очень смутный мир через тусклые бельма.

Однажды я провел у автомата почти четыре часа. Слепцы выстроились в очередь, и я все крутил и крутил диск, выслушивая кошмарные рассказы об их болезни. И ни одной, ни единой светлой истории о чудесном исцелении. Они, словно, сговорились.

Чудесное исцеление, наверное, могло происходить где угодно, только не в этих мрачных стенах. Большинство врачей в чудеса не верили, только в торжество науки над несовершен-

ством человеческой плоти. Бог, должно быть, обладает очень черным чувством юмора, раз он создал нас такими хрупкими. Но ему и этого показалось мало. Душа, заключенная в полную нервных окончаний оболочку из мяса и костей, тоже может болеть. И так болеть, что жить не захочешь. Не понимаю, как Бог может осуждать самоубийц, если сам дарует им не совместимые с жизнью страдания...

Я решил к телефону-автомату больше не ходить. Слишком много человеческих страстей обрушивались там на меня в одночасье, и они начинали меня душить. Как дурные воспоминания. Только это были даже не мои воспоминания, а память о чужих разрушенных судьбах, о страданиях и боли. С меня хватит, понял я. И больше никогда не появлялся на площадке между этажами. Иногда мне представлялись слепцы, стоящие там унылой толпой, тянущие руки к телефону на стене. Я старался о них не думать. Малодушие иногда – единственное спасение для человека, у которого душа живая...

Впоследствии я видел точно такую же боль старого, умирающего, пребывающего в отчаянии человека, видел ее каждый божий день на протяжении нескольких месяцев. И от осознания собственного бессилия и постоянной жалости, я начал пить все чаще и чаще. Жалость, мне довелось это узнать, – по-настоящему разрушительное чувство. Оно может вас даже убить, если ваша душа способна к состраданию. Тогда я начал завидовать людям, не способным чувствовать, и завидую до сих пор.

– Ну вот, значит, едем мы из Кельна на поезде с корешком из моего призыва... – разглагольствовал сосед, лежа на своей кровати.

Больше всего он любил вспоминать о службе в армии. Ему, наверное, повезло тогда единственный раз в жизни – он поехал отдавать своей стране «священный долг» в Германию. И там ему так понравилось, что он решил в один прекрасный момент стать немцем и остаться на родине Адольфа Гитлера навсегда. Разумеется, такие планы не могли понравиться командованию части, дислоцированной где-то в Восточной Пруссии... О дальнейшей своей биографии незадачливый дезертир упоминать не любил. Судя по всему, ничего хорошего после Германии в его жизни уже не происходило.

– А в поезде познакомились с двумя девками. Такие, скажу я тебе, девахи, – он зацокал языком. – Выпили мы с ними шнапса. Разговорились. А потом я одну уже раздел, значит, сапог тяну на себя, чтобы снять. А у нее ноги распухли, не снимается, и все тут...

– А почему ноги распухли? – удивился я. – Девахи что, совсем старые были?

Сосед выпучил на меня глаза, как будто только что увидел.

– По... почему старые? – выдавил он.

– Так ведь ноги-то распухли.

– Не старые! – взвился он. – Молодые девки. Немки они. Понял? Вот у них ноги и распухли... – И продолжил свой обстоятельный рассказ. – Пришлось, значит, сапог резать. Но она не возражала, так ей хотелось...

Я решил, что с меня хватит, и, ни слова не говоря, вышел в коридор. Посидел немного у телевизора, шел какой-то убогий мексиканский сериал, несколько старух оккупировали территорию, бесполезно было пытаться переключить канал. Куда-то проследовал хирург с выводком студенток. После операции я его по-настоящему боялся. Этот человек способен был резать человека по живому, терзать плоть, отрывать от нее куски, швыряя их в тазик, смещать лицевые кости с помощью клещей и молотка. Сейчас он представлялся мне нацистским палачом. Такие резали детей в концентрационных лагерях, чтобы посмотреть, что у них внутри.

Я и подумать не мог, что платить в советской больнице нужно не только хирургу, но и анестезиологу, если не хочешь в буквальном смысле прочувствовать на своей шкуре, что такое пытка... Физическое страдание не способен перенести ни один человек. Я бы, без сомнений, сдал всех партизан, лишь бы прервать мучение. Анестезия действовала полчаса, стандартное время для тех, кто забыл дать взятку. Операция длилась полтора – сложный случай. Надо было

все разрезать, поставить на место, сшить. Поэтому через час я просто-напросто потерял сознание. Мне говорили, такие операции не делают под местным наркозом, потому что больной может задохнуться. Через много лет я узнал, что это не так. На Западе такое откровенное зверство не практикуется. Но советский человек – особая порода людей, считали они, из них гвозди можно делать, так что может и потерпеть.

* * *

Самый симпатичный хирург, какого мне довелось знать – Максим Топоров (имя и фамилия изменены, как и у всех в этом повествовании). Максиму было около сорока. Каждый вечер он был что называется в кондиции – набирался во дворе, с мужиками. А утром отправлялся как ни в чем не бывало оперировать. Руки у него при этом не дрожали. Как это бывает с дворовыми обитателями, окружающие относились к нему очень по-разному. Большинство презрительно, называли его просто Топор. Это и есть снобизм офисного быдла по отношению к врачу-алкоголику. Некоторые считают, что в нашей стране к алкоголизму относятся терпимо. Это неправда. Алкоголиков у нас презирают и ненавидят. Максим не умел пить – и периодически впадал в запой, но на работе ему неизменно прощали его прогулы, переноса сроки операции. Впоследствии я узнал, что он – очень талантливый хирург. Образ жизни, который вел Максим, его полностью устраивал. Он был счастливым, очень обаятельным человеком. Даже когда напивался вдрызг.

Несколько раз мы пили с ним пиво во дворе, пару раз водку в сквере (он предпочитал именно ее), и каждый раз после общения с Топором у меня оставалось очень теплое чувство. Редкий случай – когда имеешь дело с хроническим алкоголиком. Обычно попойки с такими людьми заканчиваются печально. И на следующий день испытываешь только омерзение – и к себе, и к тому, с кем пил.

У Максима была жена и две или три любовницы из числа его студенток. Он регулярно навещал их – и охотно делился подробностями своих походов с собутыльниками. Жена же, массивная дама, особенно – в области бедер, безумно его любила, и столь же безумно ревновала. Мне приходилось видеть, как он бежит от нее через двор, а она несется за ним – то со скалкой, то со сковородой наперевес. После очередного скандала он обычно пару недель ночевал у друзей. У него их хватало. Как я уже упоминал, сильно пьющий хирург был исключительно добрым и душевным человеком.

В последний раз я видел Максима, выезжая из наших старых дворов на черном БМВ шестой серии. К тому времени я заработал много денег и нашел нужных людей, которые двинули меня по политической линии. Помог Диня. Помогли старые связи. Никогда не думал, что внезапно сделаю столь успешную карьеру. Прекрасный хирург Топоров спешил куда-то с авоськой, в домашних тапочках. Внешний вид его никогда не волновал. Скорее всего, он торопился в продуктовый – близилось закрытие...

Я давно уже переехал из того района, но, подозреваю, окажись я на знакомой улице, возле домов, где мы жили, я увижу его снова. Он все так же будет сидеть на лавочке в компании помятых людей, рядом с которыми ему совсем не место. А может, будет бежать через двор от разъяренной супружницы. Но непременно остановится, улыбнется, как прежде, пожмет мне руку, и затрусит дальше, пока его не настигла справедливая кара за многочисленные измены.

* * *

Меня навещали за все время пребывания в больнице только трижды. В первый раз, когда я был без сознания, родители привезли кое-какие вещи – спортивный костюм, джинсы, футболку, свитер и кожаную куртку (моя одежда вся была в крови, и ее забрали). Во второй раз

Сергея привез деньги. Затем друзья приехали шумной толпой. Визит сопровождался обычной для нашей компании пьянкой. Ребята умудрились пронести в отделение водку и пиво, от которых я, впрочем, категорически отказался. Друзья вдоволь поржали над моей раздувшейся, как у утопленника (это их определение), рожей и предложили мне немедленно организовать побег из больницы. Но я отверг это заманчивый план, прекрасно осознавая, что без многочисленных процедур по прочистке носовых пазух, полосканий и прочая-прочая-прочая, я, скорее всего, наживу какие-нибудь осложнения на свою морду, и меня, в конце концов, придется усыпить, потому что вылечить уже будет нельзя.

Скажите, человека нельзя усыпить? Он же не животное? Что ж, я сильно в этом сомневаюсь. По мере того, как атеистическая идея все больше овладевала умами простых граждан, человек постепенно превращался в животное. Я вовсе не хочу при этом сказать, что он оскотинивался. Совсем нет. Просто если принять во внимание тот факт, что человек слеплен не по образу и подобию Бога, а произошел от обезьяны, то он и есть натуральное животное. А как иначе? У обезьян тоже, между прочим, есть мораль, то есть они следуют общепринятым нормам поведения, чтобы не быть битыми сородичами. Моя мораль, как выяснилось, была недостаточно высока для нашего социума. Иначе, почему я в больнице, а мои сородичи где-то бродят по городу. О нравственности мартышек я бы поспорил. Но и среди людей по-настоящему нравственных индивидуумов я встречал чрезвычайно мало.

Однажды мы пили с приятелем, и он сказал, что к нему скоро придет ветеринар.

– А что, обычный врач уже не помогает? – поинтересовался я с иронией.

Несмотря на веселое настроение, сопровождавшее нас весь день, кошка, к которой, собственно, и должен был придти ветеринар, к вечеру издохла. Признаюсь, я не питал к ней симпатии. Это было тощее уродливое существо искусственно выведенной породы, абсолютно лысое, с очень дурным нравом. Эта бестия постоянно за что-то мстила хозяину – и гадила, то в тапки, то на кровать, но он все равно ее любил. Парадокс человеческой психики – большего негодяя я, наверное, за всю жизнь не встречал. Он отправил в больницу жену, выбив ей передние зубы и сломав ребра, избил собственную мать, не платил алименты детям, называл их «крысята». А к лысой кошке испытывал самые нежные человеческие чувства – холил ее, лелеял, и кормил только элитным кормом.

Но вернемся к животным от человеческих чувств. Наблюдая за жизнью социума, в целом, и отдельными людьми, в частности, могу сказать, что да – всем нам свойственны отнюдь не человеческие, а животные страсти, все мы ведомы могучими инстинктами, подчинены рефлексам. И даже любовь, это высокое состояние души, воспетое поэтами, есть ни что иное, как гормональная лихорадка, когда наша эндокринная система свихнулась и выбрасывает в кровь все новые и новые дозы биологически активных веществ. Если эндокринная система полностью охвачена болезнью, ради любви вы даже можете совершить страшное. Например, убийство. Ну, или суицид, если ваш недуг оказался недостаточно заразен – и вы не смогли передать его бациллы своей избраннице.

И все же, я человек сомневающийся, и, несмотря на все вышесказанное, не до конца разделяю эти радикальные взгляды. По очень простой причине. Любой, даже самый мощный инстинкт, человек, столь явно наделенный животным началом, способен преодолеть. Я утверждаю, что любовь, или страсть к продолжению рода, как зовут ее психологи, возможно преодолеть. И страх смерти, или инстинкт самосохранения, может стать абсолютно неважен, когда речь идет о том, чтобы защитить женщину, ребенка, когда необходимо быть мужчиной – в самом простом и понятном смысле – настоящим мужиком. Я неоднократно перебарывал этот страх. И, к моему удивлению, прожил, наверное, уже половину жизни, преодолевая данный мне от рождения могучий инстинкт. И остальную часть, надеюсь, прожить также – с достоинством...

* * *

Пора, пожалуй, покинуть серые стены больницы. И выйти в большой мир. Это только на первый взгляд они кажутся белыми, тому, кто не знает, что в природе ни истинно белого, ни радикально черного не существует. «Так то в природе, – непременно возразит кто-то слишком умный, – а стены больницы воздвиг человек, а потом маляр покрывал краской и белил известью, так что это белый цвет». Возражу. Мы с вами и есть природа. В нас нет ни единого настоящего ярко выраженного проявления – будь то наши чувства или наши поступки. Даже если шагаешь за край. Все они – лишь бледная тень того, чем могли бы быть, умей мы достигнуть всей четкости спектра, всей полноты эмоций. Нет. Мы чувствуем наполовину, живем наполовину, и даже в пропасть шагаем, надеясь, что лететь не слишком долго, и в конце нам не будет слишком больно. Вот и больничные стены – серые, да и какими они еще могут быть, если они – часть общей картины...

Если вам случалось видеть человека, который выписывается из хирургического отделения, после операции на лице, вы можете себе представить, как я выглядел. Синее лицо, распухший нос, узкие щелки глаз, – в общем, законченный бомж, проведенный на улице не один месяц. Не просыхающие «Синяки» даже с похмелья выглядят много лучше, чем я тогда. Несправедливость жизни заключается в том, что свои лица все эти категории граждан заслужили. Я же стал «красавцем» по стечению обстоятельств. Хотя, если мыслить философски, каждый в этой жизни получает по заслугам. Даже если о том не просит.

Я вышел из больницы в ноябре. И ощутил кожей прохладный ветер. Если бы у меня сохранилось обоняние, я бы, наверное, почувствовал тот сладкий запах, какой ощущает любой, кто долго болел и, наконец, выбрался из дома на свежий воздух. В кармане куртки лежало немного денег, и я решил выпить пива, чтобы почувствовать себя увереннее. Дело в том, что я постоянно ловил на себе брезгливые и в то же время заинтересованные взгляды прохожих. Ощущение было для меня абсолютно новым. Я еще не понимал, но позже осознал, что именно тогда нажил один из своих главных неврозоз. Периодически мне начинает казаться, что все взгляды устремлены на меня, на мое лицо. Я словно стою один, под светом софитов, а на мне скрещиваются взгляды, словно лучи фонарей. Так, наверное, должен чувствовать себя беглец, выхваченный мощным прожектором из темноты.

Я медленно прошел вдоль забора больницы, свернул к пруду, миновал его и вышел к палатке с разлитым пивом. То, что она оказалась здесь, у меня на пути, показалось мне чудом. В такие минуты думаешь, что Бог все же есть. Потом снова начинаешь сомневаться. Так уж паскудно устроен человек. Успокаивает одно. Вряд ли бородатый великодушный парень на небе сильно обижается на нас. Если он существует, то наверняка думает, что мы получились довольно хреново – не только пребывающими постоянно в сомнениях, но и полусумасшедшими. Так любой отец подумает о своем отпрыске, если тот вдруг однажды заявит: «На самом деле, отец, тебя нет, я в тебя не верю!»

Меня приняли у палатки, как родного. Кто-то даже хлопнул по плечу и сказал: «Прости, парень, обознался». За столиками и чуть поодаль у бетонного забора скопилось человек тридцать. Тянули пиво и трепались меж собой. Здесь обсуждались все вопросы – от семейных дрязг до международной политики. Собеседники попадались самые разные. Иные спившиеся интеллигенты и интеллектуалы, впавшие в запой, куда более интересные люди, чем директора крупных предприятий и топ-менеджеры частных компаний. И я бы с ними, возможно, поболтал, рассказал бы, что со мной случилось и, уверен, нашел бы и сочувствие, и понимание, и добрый совет. Но сейчас мне нужно было понять, что делать со своим новым чужим лицом, как принять себя таким, какого я еще не знал, и понять, куда двигаться дальше.

Опьянение – это настоящее счастье для тех, кто часто и с удовольствием поддает. Если, конечно, вы просто пьяница, а не хронический алкоголик, трясущийся по утрам. Эти пьют уже просто от горя, оттого, что их жизнь – развалины, а сами они – одинокая руина, такие существуют по инерции, давно утратив всякий смысл бытия.

– Посуды нет, – сказала продавщица в палатке.

Расстроенный, я обернулся. И тут какой-то помятый тип сунул мне в руки поллитровую банку: «На вот, я пошел...» – И заковылял прочь.

Я немедленно сунул банку в окошко, и продавщица, сполоснув ее для порядка, нацедила мне бледно-желтого пенистого пива. На ценнике написано было «Жигулевское», но в те времена другого было днем с огнем не сыскать, так что если бы они написали просто «Пиво» – это был бы тоже устойчивый и популярный у народа бренд.

Банку я осушил до дна. И снова протянул продавщице. Вторую тоже. Третью уже можно было посмаковать. Мне показалось, что это пиво, выпитое после полутора месяцев больницы, самое вкусное, какое я пил в жизни. Я отошел к забору, облокотился на него плечом и, прихлебывая пиво, стал думать, как жить дальше...

Постепенно я почувствовал, как меня заполняет уверенность в себе – очень приятное чувство. Она была мне необходима сегодня как никогда... Теперь на меня никто не смотрел, прохожие спешили мимо, я не привлекал их внимания, я слился с толпой, стал одним из них. И мысли потекли уже не так стремительно, как раньше, обгоняя одна другую, а размеренно, вышагивали чинно, так что я мог уловить их суть, взглядеться в них, осознать, наконец, что же со мной произошло, и как мне теперь жить. Алкоголь в небольших дозах помогает разобраться в себе и в ситуации. Это абсолютно точно. Главное, не переборщить, не допустить, чтобы мысли кинулись от твоего разума врассыпную, а ты сам, утратив контроль, нырнул во мрак. А наутро проснулся с больной головой, удивленный, как же так получилось – ведь было же желание выпить в меру. К сожалению, меры я не знал. Да и кто ее знает? Только те, кто привык себя обманывать. Или те, кто не испытывает никаких страстей. Мне они всегда были свойственны. У меня горячая кровь. И чувство меры я презирал.

– Эй, парень, – меня кто-то осторожно тронул за плечо, и я обернулся. На меня смотрел невысокий дядька в кожаной кепке. Рядом топтался другой, в тренировочных штанах, и очень угрюмый. – Пить будешь?.. – Дядька приоткрыл полу куртки и продемонстрировал пузырь.

Сейчас, когда всюду шныряют клофелинчики, столица наводнена разнообразным сбродом со всей страны, и народ за время реформ, звериного капитализма и последующей коррупционной стагнации окончательно озверел, я бы отказался, не задумываясь. Но тогда были времена, когда человек человеку еще мог иногда побыть братом, а не демонстрировать постоянно звериный оскал. Это уже потом, когда эффективные менеджеры вытравили из народа веру в собственные силы и заставили каждого быть энергичным, не в меру напористым, существующим по соревновательным западным принципам, все мы стали намного хуже, и из хомо советикус превратились в обыкновенных злобных жлобов. Раньше мы их презирали, теперь они хозяева жизни. Да и сам я ненамного лучше. Катаюсь по Москве на трехлетнем «БМВ» шестой серии, и ненавижу общение с так называемыми в нашем кругу «простыми людьми». И только когда достаю вечером бутылку коньяку (чаще – XO, реже – VSOP), выпиваю несколько рюмок, и вспоминаю, что такое человечность, я корю себе за то, что очерствел душой. Хотя карьерный успех, наверное, все же, не моя заслуга, а просто стечение обстоятельств.

Мы отошли к тополям, где, по очереди прикладываясь к бутылке, быстро ее опустошили. Тогда было принято пить прямо из горла, если, конечно, у вас не было с собой складного стаканчика. Некоторые любители поддать, точнее – настоящие профессионалы по части поддавания, везде носили с собой стаканчик из пластмассовых колец, вдетых одно в другое, словно специально разработанный советской промышленностью для алкоголиков. Реже – обычную рюмку прямо в кармане брюк. Хорошо современным бухарикам. Если есть желание раздавить

на троих пузырь, всегда можно купить пластиковые стаканчики. Не то, чтобы это сильно повысило общий уровень культуры питья – он всегда был в России неизменен, убийственно низкий, но во дворах и скверах благодаря распространению пластика распивают теперь чуть культурнее, это факт...

Душа распахнулась навстречу миру. Мне стало казаться, что жизнь, в сущности, прекрасна. В этом иллюзорном состоянии благодаря алкоголю можно прибывать несколько дней и даже недель. Но потом неизбежно наступит тяжелая депрессия, как только вы вынырнете на поверхность, протрезвеет... Но до нее было еще далеко. Мне стало хорошо.

Домой ехать не хотелось. Я жил тогда с родителями и братом Георгием, Гошей, который был младше меня на десять лет, в небольшой двухкомнатной квартире в Текстильщиках. И мне там совсем не было места. Мое детство было весьма пустым с точки зрения современных понятий о детстве, и в то же время очень насыщенным. Я рос заброшенным ребенком. Зато научился самостоятельности. И очень рано повзрослел. Братом родители занимались обстоятельно (скорее всего, это возраст сделал их ответственными по отношению к детям), они заставили его пойти в музыкальную школу. А когда Гошу сбила машина в восемь лет, мама настояла на том, чтобы виолончель он не бросал. Она поседела тогда за один день, каштановые волосы стали серыми. До сих пор помню чудовищную истерику, когда она металась по квартире и безостановочно кричала. Она вернулась из реанимации, где провела без сна несколько дней. Но нервная система находилась в таком возбуждении, что она не могла ни спать, ни есть.

Могу сказать абсолютно точно, что такую серьезную трагедию люди воспринимают очень по-разному. Некоторые реагируют внешне спокойно, а потом их вдруг увозит скорая с инфарктом. Другие выражают свои эмоции бурно. И начинают действовать. Мама всегда была очень эмоциональна – покричав вдоволь, она начала действовать. Полагаю, она совершила подвиг, подняв его на ноги.

Впоследствии мне тоже пришлось совершить подобный подвиг. Смог бы я его повторить? Со всей ответственностью заявляю – нет, никогда. Второй раз я бы этого не выдержал.

Несколько месяцев Гоша пролежал в коме. Его левая рука, та, что должна скользить по грифу виолончели, была изуродована. Думаю, мама была абсолютно права, заставив его все-таки закончить музыкальную школу. Хотя преподаватели всячески старались больного ребенка выпихнуть. Гошиной руке, да и голове, такие упражнения были очень полезны.

Поскольку мы жили в одной комнате, я был вынужден слушать бесконечные неровные пиликания, дисгармонию, вызывавшую нервную дрожь в конечностях. Смычок соприкасался со струнами и скользил по ним, а левая изувеченная рука не могла правильно их зажимать. В результате, инструмент исторгал совершенно непотребные и очень громкие звуки. Хотя о виолончели говорят, что она обладает тембром человеческого голоса, я до сих пор не могу переносить ее звучание. Такое ощущение, что некто проводит смычком прямо по оголенным нервам. Может, потому, что эта музыка соотносится у меня в голове с той давней трагедией. Ни одно наше переживание никуда не уходит, оно остается с нами, осаждается на самое дно души. Стоит ее взбаламутить, и оно вырывается наружу, делая нас глубоко несчастными.

Сейчас мои родители и брат живут за границей. У Гоши прекрасный сын по имени Николай Георгий, – у англо-саксов принято давать детям двойные имена, – правда, жена, очень деловая девушка, от Гоши ушла, назвав его бездельником. В сущности, она права. Брат, и правда, бездельник. Бренчит целыми днями на гитаре и мечтает когда-нибудь сколотить собственную группу. Учитывая тот факт, что ему уже за тридцать, вряд ли в музыкальной карьере он достигнет успехов. Впрочем, его безалаберность каким-то образом делает его очень обаятельным. Есть лентяи мерзкие и гнусные, их буквально хочется прибить. А есть очаровательные бездельники, идущие по жизни с улыбкой. Они делают только то, что им нравится, и всем своим видом выражают счастье. Мой младший брат как раз из таких – жизнерадостный, исполненный позитива человек. Может быть, он такой потому, что побывал по другую сторону бытия

и сумел вернуться обратно в земную жизнь? А может, ему от рождения суждено было стать человеком легким и веселым. Четыре раза он пытался получить образование, родители тратили на обучение большие деньги, и каждый раз Гоша бросал учебу, придумывая себе уважительные причины. Последняя – он должен зарабатывать деньги для сына. Из этой затеи ничего не получилось, университет он бросил, но и работу через полтора месяца бросил тоже, сформулировав свое решение просто: «Не моё».

Я пришел к выводу, что есть люди, для которых «своего» в этой жизни не существует вовсе. Для них, где бы они ни работали, любая деятельность будет «не моё». У меня же колоссальная приспособляемость к обстоятельствам, я способен в любой, даже самой рутинной, работе отыскать что-то, что будет доставлять мне удовольствие. Возможно, меня будет тяготить то, что я занимаюсь «не своим» делом, но я все равно буду успешен в этом «не своем» деле.

Как это часто бывает с нетрезвыми людьми, меня понесло туда, где мне всегда было хорошо – к Лене. Она жила неподалеку от метро «Аэропорт». Снимала комнату у человека, к которому я всегда испытывал необыкновенную симпатию. Он просил называть его просто – дядя Коля. Девочка из провинции, светленькая, с широко открытыми глазами, Лена была глубоко наивна, как это часто бывает с провинциалками, и в то же время совсем не глупа. Недавно поступила в институт на биофак. Там я ее и подцепил. Мой друг, студент того же ВУЗа по имени Антон, учился на курс старше. Лена курила у центрального входа. Я подкатил в своей обычной манере: «Привет... ой... прости». Изобразил смущение. «Похоже, я обознался. Принял вас за другую». И отошел в сторонку. Еще раз смущенно обернулся. «Вы извините». «Да ничего», – ответила она. «Я Степан». Я обкатывал эту схему долгие годы, она отлично срабатывала. Вот и в тот раз все получилось как нельзя лучше. Увы, в те годы мобильная связь еще не стала обыденностью. А домашнего телефона у них с дядей Колей не было. Зато она записала мне на бумажке адрес, и сказала, что я могу приехать в любое время, она будет ждать. В общем, проявила недюжинный интерес к моей персоне. Тогда у меня было другое лицо, и девушкам я нравился не за деньги и ум, а просто за то, что я симпатичный и веселый молодой человек. Не лишенный, впрочем, дурных наклонностей.

Причина отсутствия городского телефона была прозаической. Дядя Коля пропивал все, что зарабатывал, до копейки. Пил он страшно, даже не запоями, а одним бесконечным запоем, который длился уже лет десять, с тех пор, как его жена и сын погибли в автомобильной катастрофе. Но при этом он никогда не позволил себе ни единого дебоша, столь свойственного людям с недостатками воспитания. Изъяснялся дядя Коля изысканно, как аристократ девятнадцатого века, у него были рыжие пышные усы, закрученные кверху, и очень бравый вид. Увлекался дядя Коля всего двумя вещами – водкой и поэзией. У него была обширная библиотека, в которой встречались уникальные книги, и даже сброшюрованные самописные самиздатовские сборники поэтов с дарственными надписями. В прошлой жизни дядя Коля был уважаемым издателем, его ценили за пронизательность и умение раскрыть талант. Но потом проклятая автокатастрофа навсегда вышвырнула его из обыденности и превратила в человека, которому, в сущности, на все плевать. И в первую очередь, на себя. Причем, это состояние вовсе не было апатией. Это была зрелая позиция человека, все для себя решившего раз и навсегда. Пустить пулю в лоб – слишком радикально, счел дядя Коля, поэтому я буду убивать себя медленно. Помимо водки он пил вино из бумажных пакетов, предпочитал «Изабеллу». Иногда мы пили ее вместе. И достигнув определенной кондиции, начинали по памяти читать любимые стихи. Когда стихи кончались, дядя Коля извлекал из недр обширной библиотеки какой-нибудь запылившийся фолиант, изыскивал поэтический бриллиант, и, тыкая крупным пальцем с желтым нестриженным ногтем в книгу, зачитывал, захлебываясь от восторга, очередной шедевр малоизвестного автора. Как правило, я тоже приходил в восторг, и затем заучивал его наизусть. До сих пор помню многие строчки поэтов, чьи имена не найдешь ни в одной литературной энциклопедии. Меня очень впечатлил, к примеру, поэт по фамилии А.Глинский. На его стихи

известные барды сочинили песенку, об этом я случайно узнал много-много лет спустя. Дядя Коля не сознавался, но я подозревал, что он и был тем самым А.Глинским. Во всяком случае, этот псевдоним очень ему подходил, а поэзия была в его духе: «Когда умру, мне станет не до сна, любимая вернется в каждый сон...». Позже я узнал, что Глинский – другой человек, но явно когда-то приятельствовал с дядей Колей. Работал дядя Коля на кладбище, могильщиком, и говорил, что с этой работой ему очень повезло. Подозреваю, дело было не только в деньгах. Могильщик – одна из немногих профессий, позволяющая пить прямо на рабочем месте. И кроме того, находясь все время на кладбище, он, как будто, становился ближе к своей семье, с которой всеми силами стремился воссоединиться.

Как это часто бывает с алкоголиками, в его квартире периодически появлялось множество сомнительных личностей, так называемых «друзей». Один из них, отсидевший десять лет за вооруженный налет, как-то раз кидался на меня с ножом, хрипел: «Падла-а-а!» и брызгал слюной. А когда мы с Леной заперлись в комнате, долго ломился в нее и орал, что все равно меня достанет. Не достал... Припадок случился с ним неожиданно. Вот мы сидим, вот я залпом выпиваю рюмку, встаю, чтобы покинуть довольно скучные посиделки (в отличие от дяди Коли, его «друзья»-собутельники не внушали мне симпатии), говорю: «Спасибо, я пошел», и в следующую секунду бывший зека с ревом кидается через стол, опрокидывая тарелки: «Падла-а-а!»

В другой раз какой-то паренек вполне заурядной наружности занял у меня немного денег, еще немного денег у Лены, унес дяди Колин серебряный портсигар, серебряные ложки и несколько дореволюционных изданий. Дядя Коля, когда он упаковывал вещи, отрубился и мирно спал.

– Черт с ним, с серебром! – убивался позже дядя Коля. – Но книги, книги!..

Когда меня лет через десять занесло в район «Аэропорта», я решил пройтись и посмотреть, как они живут – не заходить, а просто глянуть, светятся ли окна, ощутить запах былого, люблю порой окупнуться в воспоминания о былом.

Есть умники, которые говорят, что прошлого не существует, надо жить будущим – мне их искренне жаль. Прошлое – это то, что нас формирует, делает нас теми, кто мы есть. Если у вас нет прошлого, если вы старательно уничтожаете, вымариваете его, значит вы оторванный от своего опыта пустой человек. Наше прошлое сродни родовой памяти, очень важно помнить о своих корнях, откуда ты пришел, – только тогда становится понятно, куда и как идти дальше.

Старый дом, где жил дядя Коля, снесли. На его месте построили четырнадцатизэтажные современные здания. Куда переселили жильцов, я так и не сподобился узнать. Так бывает, потеряв однажды человека, ты сохраняешь его только в памяти. И там он живет до бесконечности. Надеюсь, дядя Коля присоединился к своей семье. Он так сильно этого хотел...

Я никак не мог сообщить Лене, что попал в больницу. Получалось, что я просто исчез на полтора месяца из ее жизни. Испытав несколько разочарований в личных отношениях, она не могла предположить, что со мной что-то случилось, а решила, я ее просто бросил. Я действительно тогда производил впечатление весьма легкомысленного молодого человека. Девушек у меня было много, и я даже не старался их наличие скрыть. Не удивительно, что она так подумала. Оказавшись у подъезда ее дома, я вдруг вспомнил, как выгляжу, и понял, что напугаю Лену до чертиков, если она увидит меня *таким*. Тут я заметил ковыляющего по улице дядю Колю – он немного прихрамывал на правую ногу, повредил ее в той самой аварии, отобравшей у него жену и сына. Он заметил меня, остановился шагах в двадцати и громко проговорил:

– Merde! Что это с тобой, Степан? – Он любил использовать в своей речи французские словечки, восхищая своих диковатых собутельников.

Я подошел, вкратце рассказал о том, что произошло.

– Ничего себе, – сказал дядя Коля. – Знаешь что, у меня есть стойкое ощущение, что тебе ни в коем разе не стоит сейчас появляться перед светлые очи Елены Прекрасной. Боюсь, она несколько на тебя сердита.

– Но у вас же нет телефона, я не мог позвонить...

– Одни ищут возможности, другие изыскивают причины. Давай-ка поступим так, я поднимусь наверх, поговорю с ней, потом помашу тебе из окна, если все в порядке. И ты зайдешь. Такой вариант тебе подходит?

– Ладно, – сказал я. Хотя предложенный дядей Колей «вариант» мне сразу не понравился.

Он скрылся в подъезде, а я, помявшись пару минут, понял, что ждать не могу – совсем. Интуиция – странная штука. Даже у тех, кто обладает ею в полной мере, она не всегда срабатывает. Иногда молчит, как дохлая рыба. А иногда вдруг включается на полную катушку, особенно тогда, когда ей следовало бы помолчать. Именно поэтому я не считаю интуицию даром, она не всегда уместна. Я открыл тяжелую подъездную дверь, – домофоны и подъездные коды, как и мобильные телефоны, еще не вошли в обиход, – по старой лестнице с высокими ступенями и чугунными ажурными перилами поднялся на второй этаж. Там я наткнулся на соседа Лёню, нигде не работающего омерзительного бездельника лет тридцати. Он целился в меня из боевого пистолета.

– Привет, – сказал Леня, – руки вверх.

– Ты что, дурак? – я попятился назад. Кто-то может смотреть прямо в лицо черному глазу огнестрельного оружия, я не из таких смельчаков.

– Спокойно, я же шучу, – Леня поднял ствол к потолку и загоготал, обнажив желтые зубы. Недавно он устроился на очередную временную работу, в троллейбусный парк, продержался там месяца три, потом, получив очередной оклад, запил – и работу бросил. Коммуналка, где жил Леня, находилась на той же лестничной площадке, что и квартира дяди Коли. – Смотри, какая штука, – Леня любовно погладил вороненый ствол и поделился: – Дядька дал. А что у тебя с мордой?

– Подрался.

– Понимаю. Зайдешь? – он красноречиво постучал указательным пальцем по горлу.

Я подумал: почему бы и нет. Пусть Лена с дядей Колей наговорятся, выяснят все, а я потом к ним загляну. Как выяснилось позже, это решение было ошибкой...

– Ну, чего ты приперся?! – зло говорил Леня, заглотив третью рюмку водки. – Думаешь, тебя тут кто-то ждал. У нас с Ленкой только-только все складываться начало...

– В каком смысле? – спросил я угрюмо.

– Ты на себя посмотри, вечно у тебя какие-то странные идеи, стишки пишешь, заумный такой, короче, все у тебя – не как у людей. А она девушка простая и понятная. Ясно же, что ничего у вас не получится.

– А у вас получится?

– Конечно, получится.

Мне показалось, он больше пытается убедить в этом себя, чем меня. В комнате у Лени был обычный беспорядок: давно немывтый дощатый крашенный пол, старый шкаф с оторванной дверцей, нестиранная одежда валялась в кресле и на стуле, у стены стоял ряд бутылок из-под водки и портвейна. Особой гордостью Лени являлся большой телевизор, который он не выключал никогда. Телевизор был для него не только окном в мир, но и единственным источником информации. Потому что книг и газет он не читал.

– Хочешь, подарю? – предложил хозяин дома неожиданно и протянул мне компостер для талонов на троллейбус. Словно взятку предлагал.

– Спасибо, не надо, – отказался я, чем разозлил его окончательно.

Я почувствовал, как всегда в таких ситуациях, запах опасности. Интуиция меня редко подводила. Пистолет лежал между нами на столе, как разделительная линия на игровом поле.

Мы были противниками. Боевое оружие, стреляющее девятимиллиметровыми патронами, способно было проделать аккуратное отверстие и в умной голове, и в башке полного кретина. Пуля – зла и безразлична. В меня стреляли много раз. Но попали только однажды. В руку. Но об этом позже.

– Брезгуешь, да?! – разошелся Ленья.

– Ну, что ты завелся? – попытался я его урезонить. – Вовсе я не брезгую! – Но его уже было не остановить.

Он махнул еще рюмку, раскраснелся и даже немного взмок от ярости. Я заметил, что руки у него сильно дрожат – видимо, он пил не первый день. В таких случаях человек быстро теряет самоконтроль...

Пистолет я успел схватить первым. Его рука хапнула пустоту. Ленья отшвырнул табурет и попытался меня ударить. В эту секунду сердце у меня скакнуло вниз – я представил, что меня оперируют снова. И поспешно, медлить было нельзя, ударил его рукояткой по лицу, наотмашь, не сдерживаясь, изо всех сил. Он отшатнулся с криком, закрывая рассеченную скулу. Я резко отодвинул стол, – с него полетела, разливаясь, бутылка и стаканы, – и ткнул его пистолетом в солнечное сплетение.

– Ну, ты, с-сука! – Ленья задохнулся от боли, скрючился и сполз на пол.

– На хрен мне твой компостер, подари лучше ствол, – попросил я.

– Да ты!.. Не могу. Он не мой.

– А я тебе его потом отдам. Поиграю немного, и верну.

– Сука, – повторил Ленья. – Пиздец тебе. Понял?

– Угрожать не надо, не советую, – сказал я. Поднял с пола бутылку, демонстративно залпом допил то, что осталось, и вышел на лестничную клетку. В голове роились самые разные мысли. Главная – ни Лена, ни дядя Коля не знают, где я живу. И это, в сущности, очень хорошо. Ленья, конечно, – тупой паразит, прыщ на теле общества, не имеющий никаких серьезных связей, но и такой человек может быть опасен, потому что напрочь лишен фантазии. Многие преступники совершают что-то просто потому, что не могут себе представить, какие последствия могут их ожидать.

Когда через некоторое время я попал в серьезную переделку, Ленин пистолет служил мне гарантом безопасности. Честное слово, я даже вспомнил его добрым словом. К тому моменту я научился разбирать, собирать оружие, заменил пружину, регулярно смазывал детали. Я привязался к этому опасному предмету, предназначенному для самообороны и нападения, настолько, что таскал его с собой буквально везде. Разумеется, у меня не было разрешения. Беззаботная юность тем и хороша, что ограничений не существует. Подозреваю, если бы не драка в парке, не операция на лице и не возникшее у меня ощущение незащитности и смутного страха, я бы избавился от пистолета. Но он был мне нужен сейчас, чтобы снова почувствовать себя мужчиной, ощутить, что я способен любому агрессору дать отпор. Я хотел иметь возможность отстоять справедливость, если потребуется, и сохранить при этом жизнь...

На звонок открыл дядя Коля. Он просочился в дверь и печально склонил голову.

– Знаешь, Степ, – он положил мне руку на плечо, – она сейчас не хочет тебя видеть. Может, позже?

– Но вы сказали ей, что я был в больнице?

– Женщины, – он вздохнул, – иногда сложно понять, что у них на уме.

– Ладно, – я пожал дяде Коле руку: – Увидимся! – И поспешил по лестнице вниз. Наверху хлопнула дверь, раздался Лёнин крик. Я прибавил шагу, а потом и вовсе перешел на бег...

Это была последняя моя встреча с дядей Колей. Что касается Лены, то я снова встретил ее лет через десять с гаком. Она сильно изменилась, выглядела уже не юной девочкой из провинции, а провинциальной хабалкой, с короткой стрижкой, выбеленными волосами и чуть припухшим лицом. Она и Лёня сидели в маршрутке на задних сидениях, а я впереди, лицом

к ним. Мы смотрели друг на друга почти безразлично, малознакомые люди из далекого прошлого. Мне даже показалось, что Лёня меня не узнал. Впрочем, он был сильно пьян, и дремал. А Лена пробормотала отчетливо: «Ну и встреча!» – и поспешно отвернулась. Так мы ехали минут пятнадцать. К друг другу мы так и не подошли, не перемолвились и парой слов.

Я с удивлением думал потом об этой странной встрече. Как она могла предпочесть мне Лёню? С другой стороны, я не оставил ей выбора. Никогда не был обидчив, но после больницы мне нужна была ее поддержка, внимание. А она даже не захотела меня видеть. Может, я был слишком жёстким, бескомпромиссным и недостаточно настойчивым, может, просто не смог донести до нее своих чувств. А может, Лёня был для нее вполне естественным выбором. Лена – девушка из простой многодетной семьи, дочь обвальщика мяса и водительницы автобуса. Со мной, чьи интересы лежали в самых разных областях, ей, наверное, было сложно. Лёня не мог просто так начать тот разговор – видимо, Лена жаловалась ему на меня раньше. Что ж, дядя Коля в очередной раз оказался абсолютно прав. Женщины, иногда сложно понять, что у них на уме.

* * *

Порой наступает время, когда любому нужно забиться в нору, остаться одному, чтобы собраться с мыслями и вновь стать самим собой. Волклизывает раны, укрывшись в потаенном месте в лесной чаще. Мне жаль тех, кто боится одиночества. Для меня одиночества не существует. Оно – удел несчастных людей, у которых внутри нет ничего. У поэта, философа, человека думающего – внутри космические пространства, целая Вселенная, для них одиночество исключительно плодотворная среда. Я всегда подсознательно стремился остаться один, но у меня почти никогда не было такой возможности. Потом я изыскал ее, заработал возможность иногда пребывать в одиночестве. Но сейчас, по прошествии многих лет, у меня появились и другие мысли по этому поводу, возник другой опыт. Может быть одиночество вдвоем – когда человек рядом с тобой ничем тебе не мешает, не раздражает, дает возможность думать, созерцать себя и окружающую действительность. И даже более того – через ценнейшее общение, уникальные поступки – дает предпосылки для новых духовных и бытийных открытий. Найти такого человека, такую женщину, с которой возможно понимание, единение душ и тел, это, безусловно, – главная ценность, важнейшая грань жизненного успеха. И я такую женщину нашел. Но много позже.

– К тебе пришли, – сказала мама, через трое суток моего сознательного затворничества.

Все эти дни, по большей части, я сидел за секретером, чирикал стихи в клетчатой тетрадке и смотрел в окно. Мне казалось, я страдаю. На самом деле, я испытывал творческий экстаз, умея ловко обратить свое дурное настроение в довольно неплохую поэзию.

Подобное перетекание негативного жизненного опыта в литературу, замечу, мне удавалось далеко не всегда. Позже я испытал настоящее горе, и от бесконечной жалости к умирающему, утратил все силы. У меня не было их даже на то, чтобы выразить горе в стихах. Я мог только лежать под одеялом битые сутки. Чувствуя себя постаревшим на много лет, с трудом приподнимался на локте, цедил коньяк в рюмку и, отхлебнув совсем немного, падал на подушки, лежал без сил. В таком состоянии я провел без малого месяц. Так выглядит настоящая депрессия. Говорят, из нее невозможно выйти без помощи специалиста. Я выбрался сам, собрав силу воли в кулак. Но до депрессии было еще далеко. Пока я всего лишь прощался с Леной, оставившей в моей жизни крошечный, малозначительный след. Я, будто, увидел на лугу порхающую над разнотравьем лимонницу – ничего особенного, простенькая белесая бабочка, но до чего она прелестна, живет всего мгновение, появилась и исчезла из моей судьбы, словно ее и не было. Осталась только память. Но образ совсем поблек, почти стерся, будучи заменен

на новый – ее изменившееся, постаревшее лицо, запечатленное отгиском более поздних воспоминаний мимолетной встречи в маршрутном такси.

За окном люди, имевшие о жизни более устойчивое представление, чем я той осенью, спешили по своим скучным человеческим делам. Толпились на остановке, чтобы добраться до метро. Штурмовали редкие желтые автобусы. Некто с портфелем смешно упал в лужу – после дождя на перекрестке возле родительского дома всегда стояла вода. Автомобили то и дело раздражались музыкальными сигналами – мода на громогласные клаксоны с мелодиями появилась как раз той осенью. И некоторые водилы, лишенные вкуса и воспитания, чаще всего кавказских кровей, с удовольствием жали на сигнал через каждый километр пути, чтобы продемонстрировать – круче них только вареные яйца.

Ко мне пришел мой друг Серега. Мы дружили со средней школы. Жизнь его сложилась, в общем, довольно бестолково. Хулиган и забияка, он любому времяпровождению предпочитал качалку и секцию бокса. При этом оставался добрым и отзывчивым парнем, не терпел несправедливости и защищал слабых. Ему прочили отличную карьеру на ринге, но бокс он, в конце концов, бросил. Из школы Серегу тоже исключили после восьмого класса. И он пошел в ПТУ, учиться на слесаря. А оттуда в армию. По возвращению из рядов доблестных Вооруженных сил Сергей стал куда менее добродушным парнем. Ему пришлось там не сладко, жесткий нрав и наличие московской прописки настроили дедушек против него. Сначала у него украли помазок. Он провел краткое расследование, спрашивая всех, не видели ли они его кисточку для бритвы. И, в конце концов, набрел на бойца своего призыва, который красил помазком подоконник – демонстративно, под чутким руководством старослужащих. Конфликт на кулаках закончился абсолютной победой Сереги в первом же раунде. Разумеется, такого безобразия дедушки стерпеть не могли. Следующей ночью Серегу вызвали в умывальник, где били уже вдесятером, с применением подручных средств, в том числе, табурета. Там он и пролежал до утра, весь в крови. А утром его нашли и отвезли в местный военный госпиталь. Ему сделали операцию в связи со сложным осколочным переломом ребер. А затем, после лечения, перевели в другую часть, от греха подальше. Потому что всё, о чем мечтал Серега, – вернуться и отомстить. В этом мы были с ним похожи. Наверное, потому и стали друзьями. Серегу отправили в крошечный горный блокпост на Северном Кавказе. В то время проблемы с закавказскими республиками уже начались, хотя власти старались замалчивать все эпизоды...

Из армии Серега вернулся с синими татуировками на обеих руках и уродливым шрамом в области сердца. Мы выпили пива на пляже в Серебряном бору и разговорились. Я стал рассказывать о своих романах, о том, как весело порой провожу время, о Лене – тогда мы еще встречались. А он вдруг пришел в ярость.

– Пока мы я там кровь проливал, ты здесь баб трахал! – И попытался ударить меня, но я вовремя увернулся. – Пошел ты, крыса тыловая! – сказал Серега и, натянув широкие штаны (слаксы) и футболку, зашагал прочь.

Его бурная реакция на мои, в сущности, безобидные рассказы меня покорила, и я решил, что наше общение себя исчерпало. Но потом подумал, что, должно быть, в армии ему неслабо досталось, – в основном, по голове, – что мы друзья с детства, и надо проявить понимание.

Я оказался прав, через некоторое время Серега оттаял, стал мягче, но периодически его, все же, переключивало, и он кидался на людей. Потом он признался, что ему довелось поучаствовать в боевых действиях и даже зачистке одного села, – официально об этом нигде не говорилось. Двух его сослуживцев тогда убили. А им пришлось по приказу командира расстрелять несколько местных жителей. И до самого дембеля, который он встречал там же, на блокпосте, Серега ждал, что их маленькую заставу, возьмут штурмом – угрозы от местных боевиков поступали все время. А местный старейшина пытался договориться с командиром, чтобы ему

отдали (или хотя бы продали) несколько русских солдат, участвовавших в расстреле. Кроме того, регулярно постреливали снайперы, так что военнослужащие старались не высовываться.

– У одного «черепа», – рассказывал Сергей, – крыша не выдержала, и он ночью ушел в самоволку. Так его и не нашли потом. Ни домой не вернулся, ни в часть. Видно, грохнули там же, в горах.

Нам еще многое предстояло пройти вместе. Но потом наши пути, все же, разошлись. Когда с бизнесом не получилось, он на некоторое время ушел в криминал. Занимался разного рода темными делами, в основном, крышевал коммерсантов средней руки. Еще ездил по России – и сбывал фальшивые доллары. Однажды получил задание – поехать в Чечню и забрать деньги. Въехал в Грозный на стареньком «БМВ». А вернулся пешком, на перекладных, без копейки. И очень радовался, что унес ноги. Во мне всегда присутствовала осторожность, а он был абсолютно бесшабашным малым. В начале двухтысячных Сереге улыбнулась удача – он стал телохранителем одного из видных политиков, первых лиц государства. Чем очень гордился. Платили Сереге хорошо: он женился, завел ребенка, стал строить дачу. А через некоторое время погиб – закрыл телом своего подопечного.

Мне всегда бывает странно, когда я слышу такие истории, потому что отлично знаю, как большинство телохранителей относятся к «денежным мешкам», которых им приходится охранять. Собственная жизнь всегда дороже. Но почему-то в такие секунды они вдруг принимают решение – пожертвовать собой. Может быть, срабатывает профессиональный рефлекс? Или же это идет откуда-то изнутри? Может, поступить иначе им не дает кодекс чести, что-то сродни самурайской морали?..

Так что уже более десяти лет мой старый друг Серега лежит в могиле. А его бывший начальник, – теперь видный оппозиционер, – периодически мелькает в прессе, рассказывая, как он собирается бороться с «режимом». Подозреваю, он, как и большинство подобных деятелей, существует на западные деньги. Хотя для всех нас финансирование подобных оппозиционеров давно уже не секрет. Даже Бориса Николаевича Соединенные Штаты сделали президентом России – во всяком случае, это американцы оплачивали его предвыборную кампанию. В российской политике не считается зазорным опираться на западный капитал. Поговорка «Деньги не пахнут» актуальна сегодня как никогда.

– Ну, у тебя и рожа, Шарاپов, – сказал Серега, хотя навещал меня в больнице и уже имел «счастье» видеть меня таким. – Может, пойдем, погуляем?..

– Пойдите, пройдитеесь, – крикнула мама с кухни. – Тебе надо выйти на улицу.

Я воспринял предложение без всякого энтузиазма. Настроение было хуже некуда, как я уже упоминал – мне казалось, что я страдаю. И все же согласился. Прельщала перспектива немного промочить горло. Мы вышли из дома и направились дворами к пивному ларьку.

– Есть дело, – поведал Серега, когда мы взяли пару кружек. – Можно бабок срубить по-легкому.

– Я тебя внимательно слушаю, – я сдул пену и отхлебнул пиво.

– В общем, один парень, Хасан, предложил кое-что купить. Он дешево продает, ему срочно деньги нужны. Ну и можно будет купить у него, и потом продать.

– Основа любой спекуляции, или бизнеса, что, по сути дела, одно и то же, – заметил я, рисуясь, – дешево купить, выгодно продать. А что именно он продает? Это раз. И второе, у тебя что, деньги есть?

– Ну-у, – протянул Серега, – деньги всегда можно достать.

– Где, например?

– Например, занять.

– А отдавать как планируешь?

– Так когда продадим, деньги будут. Вот и отдадим. А разницу – в карман.

– Мда. А если не продадим? И кстати, что ж ты один все не провернул, если все так просто?

– Мы же друзья, – Серега замялся, – и потом, ты у нас – с мозгами, сразу поймешь, если что не так.

– Так, – сказал я с иронией: – Такие дела не делаются с бухты-барахты, надо выпить сначала, и хорошенько все обдумать.

– Согласен.

Мы купили в хозяйственном магазине канистру на пять литров для пищевых продуктов (были и не пищевые), наполнили ее пивом под завязку и отправились в парк, к пруду. Здесь Сергей поделился со мной информацией, что именно предлагает купить неведомый мне Хасан.

– Ворованные Жигули, – сообщил он, – можно поштучно. Калашниковы. Но только оптовые партии. И коньяк – «Слынчев бряг».

– Как? – переспросил я.

– «Слынчев бряг». В переводе с болгарского – солнечный берег.

– Это тебе Хасан рассказал, или ты сам перевел?

– Хасан, конечно, – Сергей кивнул.

– Ну-у, что я тебе хочу сказать, – сделав основательный глоток из канистры, я вытер губы, – на хрен ворованные «Жигули» и Калашниковы. Это подсудное дело. Не надо нам с этим связываться. Даже если деньги большие. Ты в тюрьму хочешь?

– Н-нет, – Сергей затряс головой.

– Вот и правильно. Тебе и армии, я так думаю, вполне хватило. А что касается коньяка. Он не ворованный?

– А черт его знает.

– Ладно, будем надеяться, что нет. Надо узнать, сколько он хочет за ящик, взять на пробу один – и попробовать его впарить через магазины и ларьки. Если получится, возьмем больше. Кататься будем, само собой, не с ящиком, а с одной бутылкой. И еще условие – если беремся за дело, чур, то, что идет на продажу, не выжирать. Договорились?

– Конечно, договорились, – Серега заметно воодушевился. – Вот ты молодец. Ну, чего, может, тогда сразу к Хасану? Он тут недалеко работает, на овощном складе. У него там рядом подвал в доме, он там все и держит...

И мы направились к неизвестному мне тогда поставщику ворованных Жигулей, Калашниковых и жуткого болгарского пойла под названием «Слынчев бряг». Сейчас я подобную продукцию не пью, поэтому не могу сказать наверняка – существует ли этот суррогат коньяка по сию пору, хотя бы на Золотом берегу, или давно канул в лету, вместе с коньячным спиртом «Наполеон» и спиртом «Рояль», столь любимым одно время в простонародье. По мере того, как мы приближались к подсобке овощного склада, а пиво в канистре уменьшалось, походка наша была все увереннее, в нас все заметнее проступал простой российский бизнесмен девяностых годов. Мы беседовали о том, как это замечательно – купить дешевле, а продать дороже, как это просто, в сущности, – но никто так не может, потому что все идиоты. К тому моменту, как мы пришли к воняющему гнилыми овощами складу, в нас плескалось по три с половиной литра пива в каждом, и дельцы с Уолл Стрит в сравнении с нами казались нам с Серегой просто не имеющей коммерческого таланта швалью.

Помещение так называемого «Склада» досталось Хасану благодаря матери-дворничихе. Она была этнической узбечкой, и даже в Москве не изменила цветастым свободным халатам и шапочкам наподобие тубетеек. Обычно узбекские женщины с возрастом, об этом рассказывал сам Хасан, пышно «расцветают» – то есть приобретают ярко-выраженные грушевидные формы, и быстро «отцветают» – их коричневатые лица покрываются морщинами и становятся похожи на древесную кору. Именно так выглядела родительница Хасана. Ко всему прочему,

без всякого стеснения она носила под носом еще один ярко выраженный элемент национального колорита – усы.

В то пору, когда мы с Сергеем решили заняться коммерцией, Хасану было чуть больше тридцати. Репутация среди интеллигентных людей нашего района у него была самая неприглядная. Все считали его бандитом. Не без оснований. Что касается обычных граждан, каковых всегда большинство в любом российском городе, на селе и среди топографических координат помельче (в районе, на улице), у них Хасан пользовался неизменным авторитетом. Заработал он свою славу еще в отрочестве, когда местное матёрое юношество шло район на район – с кастетами, свинцовыми накладками на кулаках, ножами, заточками, цепями и железными прутами. В этих столкновениях Хасан всегда отличался крайней жестокостью. Ему ничего не стоило, например, сломать кому-нибудь руку, пробить голову, ударить так, чтобы противник не поднялся, – поэтому его боялись. Этот детский страх постепенно трансформировался во что-то вроде уважения. Его сверстники подрастали и рассказывали тем, кто помоложе, что с Хасаном лучше не связываться, и детишки верили. Тем более что наш герой периодически кого-то бил, будучи в подпитии. Отец Хасана был то ли киргизом, то ли казахом, откуда-то из тех степей. Поэтому к нему часто приезжали с малой родины земляки, и тогда они начинали бурно радоваться встрече, доходя в своих кутежах до крайности. Как правило, такие родственные визиты заканчивались в камерах местного отделения милиции. Несмотря на явное хулиганство, вроде разбитых витрин и физиономий простых прохожих, все шалости подвыпившего Хасана почему-то обходились без последствий. Авторитета полуузбеку, искренне полагавшего себя русским (тогда быть русским у малых народностей еще почиталось престижным), добавляла его недюжинная физическая сила – он фанатично занимался самбо. И даже стал призером нескольких крупных турниров.

Впрочем, о регалиях я его никогда не спрашивал. Мы, вообще, редко сталкивались с ним. Мне было лет девять-десять, когда я принимал участие в тех самых разборках район – на район, где отличился Хасан. С тех пор я знаю, как ощущали себя воины на Куликовом поле. На меня массовая драка (сто на сто человек) с применением холодного оружия произвела неизгладимое впечатление. Мне в кровь разбили губы. И я, уронив стальной прут, подобранный на ближайшей стройке, бежал, как заяц, натываясь то и дело то на воющего от боли паренька, закрывавшего порезанное лицо разбитыми руками, то на кого-то лежавшего навзничь и, кажется, вовсе убитого.

Будучи вне себя от стыда за свое трусливое бегство с поля боя, я затем преодолевал свой страх, разгуливая по темным улицам и постоянно нарываясь на драки. Мне важно было доказать себе, что я Мужчина, почувствовать, что я способен перебороть омерзительное чувство дрожи в коленях, что я больше не боюсь схватки. Инстинкт самосохранения в нас настолько силен, что, наверное, человек его напрочь лишенный – просто инвалид, да и вообще смертник. Мне так и не удалось стать бесстрашным, но я умею обуздать этот инстинкт.

Мне стоило, к примеру, огромных усилий совершить первый прыжок с парашютом, но я умудрился заставить себя шагнуть из люка самолета в никуда. И потом, пребывая в абсолютном ужасе и некоторой растерянности, я дергал запутавшиеся стропы, в стремительном полете к земле. Когда я уже успел обогнать всех, кто прыгал раньше, потоком воздуха вдруг надуло крошечный кусочек купола, и я, вращаясь вокруг своей оси, ощутил, что полет замедляется. А через секунду парашют распутался полностью, и меня ударило по рукам и в области паха, где крепились ремни, и я повис в громадной пустоте неба. Глянул вниз – и увидел крошечные домики, тонкую полосу дороги, электрические провода, поле, куда я должен был приземлиться. И все это стремительно росло, приближалось. Единственной мыслью в тот самый первый раз было: какого черта я во все это втравился, идиот?!. Это уже потом, после третьего, четвертого прыжка, после того, как парашют раскрывался, я научился ощущать радость полета, удивительный покой высоты, и стал завидовать птицам. Им не надо было забираться в старый

шумный кукурузник и сигать оттуда вниз, преодолевая страх. Они могли просто вспорхнуть с земли или ветки – и устремиться в небесные дали.

Думаю, ученые правы, и птицы произошли от динозавров, постепенно приобрели способность летать... Они уменьшились в размерах, поскольку поднять такую огромную тушу в воздух может только авиаконструктор (например, Туполев), но никак не рациональная матушка-природа. И если это так, то, может быть, и человек через многие века приобретет столь ценный навык. И тогда закроются все парашютные и аэроклубы, и прекратятся авиасообщения на короткие расстояния, и косяки людей самостоятельно потянутся на юга в период летних отпусков. Что-то я углубился в фантазии, вернемся в реальность прошлого.

Хасан встретил нас приветливо.

– Что с лицом? – спросил он меня.

– Подрался, – ответил я, не углубляясь в подробности. С такими людьми лучше говорить мало, и всегда по существу. Иначе сочтут болтуном. А болтунов серьезные люди этой социальной прослойки очень не любят.

– Так ты боец?

– Да какой он боец?! – ответил за меня Серега. – Студент он.

– Что изучаешь?

– Филфак.

– Философия, что ли? – Хасан прищурился.

– Вроде того... Литература.

Он поскущел:

– Я читать не люблю. От книжек настроение портится.

Спорить с такими людьми тоже не стоит. Поэтому я просто кивнул.

И мы направились на «Склад». Серега, давно знавший Хасана, обсуждал с ним каких-то общих знакомых и их дела. Я по большей части помалкивал.

«Склад» представлял собой обычную однокомнатную квартиру в типовой хрущевской пятиэтажке, но имел отдельный вход с улицы. Именно из-за этого злополучного входа через несколько лет «Склад» привлек внимание сразу нескольких группировок, желавших это помещение заполучить под бизнес. К тому времени Хасан бесславно сгинул где-то на просторах нашей Родины. Ходили самые разные слухи: что он уехал к себе, чтобы там заниматься делами, что он где-то скрывается, что его убили или посадили. Последние два предположения мне представлялись самыми реальными. Если торговать Калашниковыми и ворованными Жигулями, рано или поздно тебе придется за это заплатить. Мать Хасана некому было защитить, и ее просто выкинули на улицу – и со «Склада» и из квартиры. Некоторое время она бродила по району и бесконечно причитала, рассказывая внешне участливым, но, в общем, безразличным к ее проблемам местным клушам, о своих бедах. Потом куда-то пропала...

Мы поднялись по лестнице. Хасан отпер дверь ключом, и мы зашли на Склад. Здесь помимо многочисленных ящичков, выстроенных до самого потолка, и сумок с разнообразным товаром были заперты, но немало по этому поводу не переживали, какой-то мужичок уголовной наружности и три поддатых девицы. Все четверо сидели за столом, накрытом газетами, и пили «Слынчев бряг».

– Наши парни, – сказал Хасан, указав на нас, – будут товар толкать.

– Здоров, парни. Откушайте продукт, – предложил мужичок хриплым, пропитым голосом и, отобрав рюмки у девиц, под их бурные протесты, нацедил из бутылки коричневую жидкость. Назвать «Слынчев бряг» коньяком сейчас, после стольких лет употребления элитных сортов, язык у меня не поворачивается.

– Штрафная, – взвизгнула блондинка с синяком под глазом и захохотала.

Мы переглянулись.

– Выпьем, – сказал Серега.

«Коньяк» лег на пиво, как мускулистый мачо на истомившуюся по ласке вдову. Смутная и сонная радость жизни взорвалась в голове, разлилась бодростью в членах. Я сразу заметил, что одной из девиц за столом не больше восемнадцати, и она, между прочим, очень даже симпатичная.

– Присядем, – предложил Хасан, – обсудим дела.

Я оглянулся в поиске стула.

– На ящики садись, – скомандовал он.

Мы придвинули ящики к столу, сели. Девушка оказалась прямо напротив меня. У нее были прямые длинные волосы, васильковые глаза, особого, глубокого, почти фиолетового оттенка, маленький носик и пухлые губы. Она уже порядком выпила. Но вид сохраняла строгий и независимый, знала себе цену. Пока – знала.

Я никогда не питал иллюзий по поводу подобных красоток, посещающих пьяные компании. Я не слишком верю, что женский алкоголизм излечим. Жизненный опыт подсказывает – пьющую женщину спасти нельзя. Хотя мне случалось встречать дам, которые утверждали, что раньше они сильно пили, а вот теперь – полностью завязали... Я им не верю. Те, кто рано начинает отравлять свой организм этиловым спиртом, обычно быстро заканчивается. В двадцать с небольшим на их лицах заметны следы морального вырождения, к двадцати пяти такие девушки уже законченные развалины, с ничего не выражающим взглядом, спутанными волосами и одутловатым лицом. Кто-то непременно скажет, что это, дескать, сексизм. Но, мое глубокое убеждение, женщина в отличие от мужика не должна пить. У нее должен быть дом, семья и четкие представления о том, что такое хорошо, и что такое плохо, а что для женщины – смерть. Внушать эти убеждения обязаны отцы. Если, конечно, они желают счастья своим дочерям.

Мне всегда хотелось, чтобы у меня родился пацан, потому что с ними куда меньше возни и проблем, и куда больше взаимопонимания. Возможно, это иллюзия. Поскольку пацанов мне Бог не дал. Почему-то у мужиков со стержнем, я заметил, чаще всего рождаются девочки. Я чуть с ума не сошел, ощутив внезапно всю меру ответственности, когда нам с женой сообщили, что у нас будет дочь. Если бы мне сказали, что теперь я должен буду отвечать за слаженную работу всего российского государства, я бы посмеялся и сказал – да это ерунда, в сущности, вы просто не знаете, какой тяжкий груз испытывает мужчина, зная, что у него есть дочь. Мои дочери еще очень маленькие. Но я не представляю себе, что буду делать, если одна из них начнет выпивать или свяжется не с той компанией. Мне сложно вообразить, что я сделаю с молодым человеком, который будет наливать моей крошке, ведомый, скорее всего, надеждой, что она потеряет контроль над собой, и он сможет забраться к ней в трусики. Наверное, просто убью негодяя. Выброшу его из окна и расскажу господам полицейским (теперь они так называются), что паренек любезно согласился помыть окна в нашем доме, да вот беда, не удержался, соскользнул с подоконника. Мне поверят, я – почтенный отец семейства, успешный в карьере солидный человек, и отнюдь не произвожу впечатление социопата, коим, несомненно, являюсь...

Мы вывалились со «Склада» в мутном полузабытье. Попойка вошла в крутую и патологическую стадию, когда отравленные алкоголем пьяницы почти полностью теряют над собой контроль и совершают всякое. И потом самым неиспорченным из них бывает стыдно – чаще за слова, реже – за поступки...

Я проснулся дома, открыл глаза – и сразу пожалел о вчерашнем дне. Потолок покачивался надо мной, как палуба корабля, и от этой мнимой качки к горлу подступала тошнота. Я вспомнил, как прижимал пьяную девушку к бетонной стене, целовал в шею и губы, шупал крепкую грудь, сквозь блузку проступали затвердевшие соски. Она казалась мне очень красивой, вяло сопротивлялась и просила налить еще. Затем Хасан скомандовал «отбой», и нас

быстро вынесло на улицу, как скомканные газеты сквозняком. Я оставил ее без всякого сожаления. Как оставлял потом слишком многих.

Повезло, что Серега был трезвее, чем я – он захватил с собой целый ящик болгарского пойла. Только по этой причине, наверное, оно и осталось целым. Помню, меня штормило по дороге домой, и я капитально треснулся недавно сделанным в больнице лицом о стену. И только утром, рассматривая синее, распухшее, очень нехорошее лицо, испугался возможных последствий, и немного того, как выгляжу. Чужак смотрелся враждебным и жестоким. На носу наметилась горбинка, и оттого профиль казался ястребиным.

Мы созвонились с Серегой, встретились – и предприняли свой первый тур по местным магазинам. В первом же продуктовом нам удалось втюхать весь ящик – и договориться о новых поставках. Мы оставили себе только одну бутылку – в качестве образца.

– По-моему, мы слишком дешево сдаем, – сказал я.

– Давай накинём, – предложил Серега.

Мы слегка повысили цену, и тут же за это поплатились – битых три часа мы таскались по магазинам и палаткам, но никто не выказал ни малейшего желания приобрести проклятый «Слычнев бряг». В конце концов, мы понизили ставку до первоначальной и почти сразу нам улыбнулась удача, а в районе метро мы вдруг и вовсе наткнулись на золотую жилу.

– А сколько всего можешь ящик поставить? – проявил заинтересованность азербайдонец по имени Муса. Он был бизнесменом средней руки, но явно процветал – об этом говорили золотые зубы и цепь желтого металла (возможно, подделка) с мизинец на шее. Этому типу принадлежало сразу несколько ларьков прямо у выхода из метро. Их ассортимент был рассчитан на самый широкий круг покупателей – хлеб и молоко для пенсионеров, жевательная резинка и чипсы для школьников, презервативы и сосиски в тесте – для студентов, и алкоголь и сигареты, пользующиеся наибольшим спросом, для всех категорий граждан – он продавался без ограничений по возрасту. Никого не интересовало, сколько лет пацану, сующему в окошко деньги. Главное, он платежеспособен, значит, имеет право курить и пить. В этом есть определенная капиталистическая логика – покупатель всегда прав. Даже если ему десять, и он хочет засмолить папироску.

Я неспроста упомянул о капиталистической логике. Много лет спустя я общался с директором одного магазина, и он убивался, что ужесточился контроль за продажей спиртного несовершеннолетним. Ему, видите ли, местная школа-интернат делала отличную выручку...

– Коньяка хоть жопой ешь, – ответил Серега, – у нас там целый склад.

– Ну, давай, братан, – Муса сверкнул золотыми зубами, – я на проба вазму... тры! – И он показал четыре пальца.

– Три или четыре? – уточнил я.

– Я же ясно сказал, тры! – Он чуть пошевелил ладонью. – Суда не смотри, один палец савсэм сломан, нэ сгибаэцца.

Три ящика, которые мы доставили от Хасана, распродались за пару дней. Палатки коммерсанта из солнечного Азербайджана стояли в отличном месте. Проходимость здесь была колоссальная. Самостоятельно разориться без помощи участливой Крыши Муса бы никогда не смог. Но Крыша была тут как тут. И когда почти весь склад был уже распродан, наш партнер по бизнесу с печалью поведал, что больше брать не будет.

– Закрываюс, – сказал он, – савсэм люди, как звэри, тут. На родина еду. Там буду таргават.

К тому времени у нас на руках было довольно много наличных, заработанных обычной спекуляцией, или, если хотите, по международной схеме бизнеса – купил за рубль, продал за два.

Серега сильно сокрушался по поводу скоропостижного отъезда Мусы.

– Может, этим попробовать впарить? – предложил он.

– Тем, кто у него палатку забрал?! Бандитам?!

– А что? Может, они возьмут.

– Может, и возьмут, – согласился я. – Даже может так статься, и заплатят. Только у меня есть идея получше. Ты видел, за сколько Муса наш коньяк толкал? Посчитай, сколько выходит за ящик. Посредником быть, конечно, хорошо. Но это все копейки.

– И что ты предлагаешь?

– Надо самим палатку открывать.

– Угу, так мы ее и открыли. . .

– Я уже узнавал, кстати, – сказал я, – тонар можно очень недорого взять. Нам, правда, все равно на него бабок не хватит. Но можно занять на первое время. Потом с прибыли отдадим.

Сергея покосился на меня с сомнением.

– Ну, не знаю.

Забегая вперед, могу сказать, что сомневался он не напрасно. Коммерсант из меня получился очень даже неплохой. А вот партнер по бизнесу хреновый. Когда мои новые товарищи, поспособствовавшие очень во многом, стали на меня насаждать – точнее, настойчиво интересоваться, зачем нам нужен в деле Сергей – для меня коммерческие интересы оказались выше дружбы. И по сию пору мне стыдно за проявленное тогда малодушие. Хотя, по правде говоря, может, товарищи и были правы.

На некоторых внезапное обогащение никак не сказывается. Я, к примеру, абсолютно спокойно всегда относился к деньгам, понимая – они не сделали меня ни лучше, ни хуже. Они просто есть, но в любой момент могут меня покинуть. Деньги, вообще, мистическая субстанция – к одним идут в руки, других старательно избегают. Но я – скорее, исключение из общего правила. Большинство людей даже малое благосостояние заставляет проникнуться глубоким самоуважением к себе любимым. А прочих, тех, кто победнее, они вдруг начинают считать людьми второго сорта.

Сергею занесло резко и капитально. Он возомнил себя организатором дела, над которым я поставлен управляющим, перестал заниматься проблемами бизнеса совсем, все больше пил, и проводил почти все время в кабаках и в казино – они как раз стали появляться. При этом в тот период зарабатывали мы совсем немного. Если сравнивать с нынешними временами, то заработки той поры кажутся мне просто смехотворными. Но для Сергея даже небольшая наша прибыль показалась колоссальной и вскружила ему голову. Он проигрывал деньги, и запускал руку в кассу. Я тоже забирал свою долю. В результате, страдали закупки.

– Зачем он нам нужен?! – сказал мне однажды дядя Дато. – Ты подумай, мы можем все вместе встретиться, все обсудить. Сказать ему – пусть выходит из дела. . .

Я долго думал. И, в конце концов, решился. Последней каплей стал момент, когда я пришел на торговую точку, чтобы забрать выручку, но там ее не оказалось. Продавец поведал мне, что среди ночи появился Сергей и выгреб все из кассы. Он был пьян в стельку и попросил продавца мне ничего не говорить. Но продавец, молодой парень-студент, не захотел врать и брать на себя ответственность за чужие деньги. И правильно сделал.

Когда Сергею объявили, что он здесь больше не хозяин, что он просто никто, с ним случился дикий приступ ярости. Он рвался набить мне морду, но его оттащили. Грозил, что разберется со мной и со всеми нами. Потом внезапно притих, видимо, осознал, что натворил, и стал слезно просить вернуть его в бизнес, обещал исправиться.

– В тебе нет никакого смысла, – сказал ему сын дяди Дато. – Пойми, ты для нас просто бесполезен. Ничего личного.

Вот и все. Так кончилась наша дружба. Но той далекой осенью мы были еще очень близки, мы были людьми одного социального круга, прорастали вместе, как два упорных деревца через черный асфальт беспросветной действительности и пока бесконечно доверяли друг другу. Просто потому, что вокруг были только те, кому верить было нельзя. Я чувствовал это нутром. И сразу повел дела так, чтобы нам не пришлось доверяться каким-нибудь сомнительным типам.

Сергея напротив – настаивал, что деньги нужно занять у Хасана, у Вовы Мишина, у Графа, у Зеленого – и прочих мутных районных обитателей, способных дать ссуду под небольшие проценты двум начинающим бизнесменам. Моя интуиция не подвела. Большинство тех, кто получил подобные ссуды, потом серьезно поплатились за свою недалекость. Одни стали дойными коровами, зарабатывающими на деле сущие копейки. Другие сбежали, спасая себя и семью. А третьи бесследно исчезли после конфликта с «работодателями».

Деньги, полученные для ведения бизнеса в восьмидесятых-девяностых у бандитов и оборотней в погонах, работали, между прочим, все двухтысячные. Подставные владельцы регулярно выплачивали проценты своим закулисным инвесторам. А некоторые, зарвавшись, вдруг отказывались платить. Новое время, думали они, новые порядки. Как показала практика, коммерсы сильно ошибались – времена менялись, а порядки нет. Сначала их просили расплатиться по-хорошему, потом пугали, и наконец, пришив липовое уголовное дело, заставляли продать бизнес за бесценок. И уже полностью выпотрошенных либо сажали в тюрьму, либо давали убраться за границу. Вы о подобных делах наверняка знаете, хотя журналистика расследований в нашей стране почти умерла – все боятся связываться с сильными мира сего. Но есть смельчаки-единицы, которые все же вытаскивают грязное белье на свет. Правда, потом такие дела все равно обычно заминают. Иногда вместе со смелыми журналистами.

* * *

Я ненавижу это общественное устройство, но в то же время принимаю его как данность, как сложившуюся систему, в которой ничего нельзя изменить. Я так устроен, что мог бы уехать, но могу жить только в этой стране. Я здесь родился, я ее продукт, я винтик этой системы, я – часть всероссийского жестокого порядка. Чтобы жить здесь хорошо, нужно соблюдать понятия этой страны – закона в России никогда не было и нет. И человек у нас существует для государства, а не наоборот. Понадобится – оно переварит и вас, и вас, и вас, и меня. Сегодня я среди тех, кто вписался в систему, я вращаюсь внутри пульсирующего живого механизма страны. И мне хорошо. Хотя порой очень холодно и пусто внутри. И ощущение – будто падаю в пропасть.

А еще у меня есть верный спутник – страх. Страх быть выброшенным на обочину, рухнуть в социальное ничто. И ощутить себя, как в детстве, когда у интеллигентных родителей не было денег, чтобы купить мне самые необходимые вещи. Я помню, как завидовал сыну работника номенклатурной сферы, живущему по соседству, потому что зимой он ходил в перчатках и кожаных сапожках, а я чувело – в варежках, валенках и перешитой дубленке деда. Немного успокаивало то, что я был среди таких же, как я, – нищих детей богатой великой страны. Нас было много, и мы все выглядели, как пугала. Не знаю, правда, сейчас, это страх – мой спутник, или я спутник своего страха. Потому что я владею им, и умею его в себе задавить. А он не способен победить меня, выжившего в этой стране, и вписавшегося в конечном счете в систему.

Может показаться, что я излишне критичен к другим, и слишком при этом люблю себя. Это не так. Давно заметил, критикуешь кого-нибудь за нехорошие качества (чаще – вслух, реже – про себя) – и замечаешь через некоторое время те же качества в себе. То ли сами прирастают, чтобы понять – никто не совершенен, и надо всех принимать такими, какие они есть. То ли все проще, в других видишь только то плохое, что есть в тебе самом. Эта давно мною подмеченная закономерность помогла мне терпимее относиться к ближним. Но терпеть отнюдь не значит прощать. Иногда необходимо проявить жесткость, чтобы человек извлек урок из своего поведения – а не совершал раз за разом одни и те же ошибки. Хотя многие, очень многие, любят наступать на одни и те же грабли. Умение делать выводы – одно из ценнейших качеств. Причем, его невозможно приобрести, как правило, этот навык врожденный...

* * *

Первый ларек мы не покупали, точнее говоря – оплатили только часть его стоимости. Остальную часть мой друг детства Степа Бухаров назвал «пацанский подгон». Все эти подгоны – босяцкий, пацанский, воровской и прочие должен сказать, весьма специфического свойства. Ты получаешь презент, а потом оказывается, что от тебя тоже ждут благодарности. Благодарность эта может быть как мизерной, так и весьма существенной. Босяк, пацан или вор, подогнав тебе что-то очень нужное, считают, что ты им теперь обязан по гроб жизни. Но бывает так, что, сделав однажды доброе дело, они затем исчезают с горизонта. Потому что жизнь у них сложная, линия судьбы полна изгибов, с такими людьми всякое может случиться.

– Тонар я тебе достану, – сказал Бухаров, ковыряя в зубах спичкой, – только ты мне скажи, ты где его ставить собираешься?

– Где-нибудь здесь, – ответил я неопределенно, – недалеко.

– Это разумно, – одобрил Бухаров, – со своими пацанами всегда проще договориться. И чем ты там барыжить будешь?

– Да всем подряд, что будут покупать.

– Водкой в разлив будешь торговать?

– В разлив? – удивился я.

– Ага. Без базара, это дело выгодное. Короче, я тебе подгоняю тонар за полцены, но могу приходиться – водку пить. Идет?

– Да без проблем, – сказал я, на ум пришел «Слычнев Бряг». – Можем, и коньяк разливать.

Другого пути, чтобы начать бизнес у нас не было. Когда мы с Серегой узнали, сколько стоит подержанная палатка, и подсчитали свои скудные финансы, оказалось, что у нас не хватает больше половины. Оставалось одно – либо брать ссуду у серьезных людей, либо где-то добывать не первой молодости ларек, чтобы потом за него расплачиваться. Я навел справки, не продает ли кто-нибудь палатку. И один из моих приятелей предложил обратиться к Бухе – мол, ты же его хорошо знаешь, он такой предприимчивый парень – достанет все, что угодно.

Со Степой Бухаровым, или просто Бухой, как все его называли, мы жили в одном доме и в одном подъезде, только я на девятом этаже, а он на четвертом. Мальчишками мы бегали играть в футбол на школьный двор, шлялись вдоль Москва-реки в компании таких же мелких оболтусов, валялись на кучах соли и песка в Южном порту, забирались на местную стройку, где фехтовали на кусках арматуры, а осенью жгли сухую траву – очень популярное у юных пиromanов развлечение. Однажды родители купили мне детский набор для мыльных пузырей. Я самозабвенно запускал их с балкона, любуясь, как пузыри, играя радужными разводами в лучах солнца, летят, несомые ветром, вдоль дома. Вскоре я заметил, что на балконе четвертого этажа появился мой приятель Степа Бухаров и принялся сбивать пузыри бельевой палкой. Сейчас далеко не все даже знают, что такое «бельевая палка». А раньше, когда белье кипятили на плите, такая палка была просто необходима в хозяйстве.

Прямотой Буха не отличался с детства, любил приврать, схитрить, занять денег и не отдать, и постоянно ходил на местный рынок – воровать у торговков семечки и изюм. Ему было лет девять, когда он впервые попался в овощном магазине на краже – пытался вынести трехлитровую банку с березовым соком.

Лет в тринадцать он серьезно отличился. Какие-то местные мальчишки помладше занялись живодерством. Они отлавливали кошек – и замучивали до смерти. Сначала жестоко пытали, выкалывали глаза, отрезали хвост, а потом вешали несчастных животных на дерево, обмотав проволоку вокруг шеи.

Этот бытовой детский садизм, между прочим, встречается довольно часто, но о нем почему-то не принято говорить. Между тем, из детей-живодеров обычно вырастают взрослые садисты. Я глубоко убежден, если уже в детстве некто способен истязать живое существо, если ему доставляет удовольствие страдание божьей твари, то остается всего один шаг к подобным преступлениям против человека. И большинство юных живодеров этот шаг совершают.

Одна из наших соседок по дому, чей кот был умерщвлен самым варварским способом, пожаловалась Бухе... Он бил их жестоко, металлическом прутом с ближайшей стройки. Результатом стали множественные переломы – ребер, рук и ног и черепно-мозговая травма у одного из пострадавших. После этого инцидента из школы Буху исключили, но, поскольку он был несовершеннолетним, любой другой ответственности ему удалось избежать. Вскоре он уже учился в другой школе. Кошек на деревьях мы больше не видели. Интересно было бы проследить судьбу малолетних живодеров. Пошел ли им впрок этот урок, или они еще больше ожесточились – и стали убивать уже людей? Увы, я ничего о них не знаю. А может, не знаю к счастью.

По мере взросления мы все меньше общались с Бухаровым. У него появилась своя (приблатненная) компания, новые (фартовые) интересы – и находить общий язык нам стало сложно. Он то и дело попадал в какие-то истории, у него начались неприятности с законом – то из-за драки, то из-за ограбления квартиры. Помню, как мы стояли у подъезда, и он с грустью рассказывал, что для того, чтобы не посадили, ему пришлось ДАЖЕ устроиться на работу.

– Работа – это полная жопа, – печально говорил Буха, – я сразу взял себе пива с утра, потому что понял, без допинга хрен отработаешь. Мне только до суда продержаться, а потом – на хер. Это не жизнь.

В другой раз он демонстрировал мне нож с тонким четырехгранным лезвием.

– Такая вещь. Тыкаешь в бок или между ребер, и человеку гарантированно пиздец. Кровь из раны не выходит, остается там, сворачивается, и все, амбец, врачи ничего сделать не могут. И прикинь, такая вещь продается совершенно свободно на Курском.

Я с пониманием покивал, хотя убийства, как у всякого нормального человека, вызывали у меня оторопь. Но для большинства моих сверстников в эпоху перемен пролитая кровь стала явлением настолько обыденным, что об убийствах можно было свободно говорить – в кругу своих, разумеется. Пролитой кровью решали деловые вопросы. И партнеры по бизнесу частенько заказывали друг друга, чтобы владеть им единолично.

В общем, Степа Бухаров уверенно двигался по кривой дорожке. Куда она его завела, в конце концов, я могу только догадываться. Скорее всего, он и по сию пору сидит на зоне. Кто-то из общих знакомых давным-давно упоминал, что Буху отправили из тюрьмы на крытую. Если перевести этот сугубо уголовный термин, так называется исправительно-трудовое учреждение, куда направляют за особо тяжкие преступления или за нарушения режима. Охотно верю, зная беспокойный характер Бухарова, – без преступной деятельности он начинал сильно скучать, тюремный распорядок был не для него.

Последний раз я видел Буху в нашем доме. У меня уже было несколько торговых точек, бизнес развивался поступательно и уверенно. Я спустился с девятого этажа на лифте, он зашел на своем четвертом.

– Как дела? – спросил Степа, широко улыбаясь.

– Отлично, – ответил я, – работа идет. Растем потихоньку.

– А машина есть?

– Машины нет, – в то время я еще не успел обзавестись автомобилем.

– А говоришь «отлично». – Он хмыкнул. – Были бы отлично, на машине бы ездил...

Лифт остановился на первом этаже, и мы вышли на лестничную площадку, где стояли три милиционера.

– А мне машину уже подали, – сообщил Степа.

- Пошли, Бухаров, – сказал один из милиционеров, – а то мы заждались тебя уже.
- Понятий у вас нет, я ж попроситься.

У подъезда Буху посадили в кузов милицейской машины, захлопнули с лязгом дверцы. И он уехал надолго в какие-то дальние края. Кто знает, может, мы еще встретимся когда-нибудь с моим другом детства Степой Бухаровым? Но я в этом сильно сомневаюсь. Слишком много лет прошло. Если уже в пятнадцать мы стали такими разными, что не могли общаться, то сейчас мы и вовсе люди из разных миров. Хотя, как показывает мой житейский опыт, даже самые удаленные вселенные иногда пересекаются.

* * *

– Откуда?! – поразился Серега, когда я показал ему наш свежеспертый где-то в Подмос-ковье тонар.

- Пацанский подгон, – сказал я.

Он глянул настороженно.

- Да все в порядке. Ты Буху знаешь?

- И что Буха?! – Серега помрачнел еще больше.

– Буха подогнал. Ничего платить не надо. Но... Будем водку в разлив продавать, и ему наливать, когда попросит.

- И все?

- Все.

- А водку разве можно в разлив продавать?

– Нам все можно, – сказал я. Конечно, у меня не было такой уверенности. Но я наивно полагал, что обо всем при желании можно договориться. При этом я никогда ни с кем ни о чем серьезном пока еще не договаривался, и понятия не имел, во что может вылиться наш скромный бизнес.

Понимание пришло чуть позже – когда в парке Лосиный остров я копал себе могилу, а за мной мрачно наблюдали люди с каменными лицами и пистолетами в руках. Врагу не пожелаю подобного опыта. Но если ты сделал карьеру, пройдя через такие тернии, ты закален – и готов к испытаниям на любом уровне.

Первым делом мы привели тонар в неузнаваемый вид – покрасили белой краской и через трафарет намалевали черный липовый номер. До сих пор его помню наизусть. Пусть только в моей памяти он и останется. Нам посоветовал замаскировать палатку Буха – во избежание притязаний со стороны прежнего владельца. Краску мы купили самую дешевую, и она оказалась настолько левой, что сохла почти месяц. Затем мы выбрали место. Серега предлагал воткнуть палатку в ряд других возле автобусной остановки, но я опасался конкуренции. Мне нравилось место поближе к овощному. Проходимость здесь было хорошая. К тому же, неподалеку находился «Склад» Хасана, которого я считал потенциальным поставщиком, а значит, нам не пришлось бы далеко таскать ящики. Там мы, в конце концов, и поставили наш первый ларек. Возникла проблема с электричеством, но дядя Леша, местный мастер на все руки и хронический алкоголик (такие водились раньше в каждом районе), за пару пузырей взялся проблему решить. Для этого он прикрутил электрические провода к линии местного общежития. А чтобы они не болтались в воздухе, мы частично их прикопали поздно темным вечером – чтобы не привлекать лишнего внимания...

* * *

Дабы не замыкаться на одной лишь коммерции (честное слово, бизнес для меня вовсе не так существенен, как может показаться), замечу, что попутно развивалась и абсолютно иная

жизнь. Я, словно, существовал одновременно сразу в нескольких параллельных вселенных. Должно быть, это свойство юности – ты еще не успел определиться, и потому следуешь сразу несколькими маршрутами. Верное направление уже прощупывается, и ты к нему стремишься, но бурный поток судьбы неумолим – никогда не знаешь, куда тебя повлечет. Возможно, и вовсе, – выбросит на берег. Или разобьет о камни. Хотя, может так случиться, это только мои внутренние ощущения, а у других всего одна прямая дорога, ведущая их прямо к цели... или к гибели.

На своем пути я видел столько нелепых смертей, что иногда мне кажется – я и сам готов к смерти. Но потом я понимаю, что это – иллюзия. К смерти не готов никто. Разве что глубокие старцы, умудренные жизненным опытом, безмерно уставшие от многочисленных хворей и глубокой немощи. Хотя и старики вовсе не хотят умирать. Они хотят заснуть, чтобы однажды проснуться молодыми и полными сил...

Примерно в то же время я влюбился до безумия. Любовь случилась, как вспышка сверхновой. Еще вчера ты не знаешь ее, не подозреваешь о ее существовании. А потом наступает этот день и час. Она просто проходит мимо, говорит несколько слов. Ты отвечаешь ей. Или заморожено на нее смотришь. И вот уже тем же вечером, лежа один в своей постели в темноте, ты не можешь заснуть от сильного сердцебиения и томления в груди. Тебя будто что-то душит.

Я переживал возникновение любви, как разлад с самим собой. Меня совершенно выбило из колеи это могучее ощущение нехватки другого живого существа рядом. Мне хотелось быть рядом с нею, дышать тем же воздухом, что и она, газом, выдыхаемом ею, прикасаться к волосам и груди, и обладать, обладать, снова и снова обладать ею. Я испытывал невозможное желание, настоящую жажду. Ее можно было утолить лишь на краткое мгновение, совершив акт постыдного рукоблудия. Тогда у меня появлялась возможность немного отдохнуть от удушающей любви. Но потом чувства снова накрывали меня. И я ворочался в постели, под мокрой простыней, вне себя от невозможности обладать ею.

Мы сближались быстро и неотвратно. Она также вспыхнула – и стала моей...

Потом не видеть ее день или два – стало для меня настоящим мучением. И я вновь и вновь направлялся к ней. Иногда, когда она не могла со мной встретиться, я просто бродил вокруг ее дома, прижимался к железной ограде, и смотрел в ее окна. Сколько юношеских неуклюжих стихов я тогда написал, сколько строчек посвятил ей, и какие страсти я тогда испытывал – может понять только тот, кто по-настоящему любил. Можно многие тома написать о нашей внезапно вспыхнувшей и продолжавшейся долгие годы любви... Но, пожалуй, я ограничусь лишь несколькими яркими эпизодами, чуть позже...

Когда все распалось однажды из-за моего упрямства и гордыни, она звонила, плакала в трубку, просила о встрече. Но я был неумолим. Через пару месяцев я женился на другой, чтобы забыть ее навсегда. Не получилось... Без любви жить в браке может только моральный мазохист. Я не смог – всего три с половиной месяца, и развод.

Впоследствии мы встречались эпизодически. Я помню все эти встречи. Каждый раз они заканчивались постелью. Даже когда она была на четвертом месяце, беременная первым ребенком от другого, мы ласкали друг друга до наступления оргазма, чувствуя неизмеримую нежность, и в то же время боль утраты. Понятно было, что для нас двоих все кончено.

А еще я соединился с ней после автомобильной аварии, из-за которой у нее на ноге остался длинный уродливый шрам. Она говорила, что боялась только одного – что умрет, и никогда больше не увидит меня. Поэтому сразу после больницы она связалась со мной (у нее всегда были мои контакты) – и приехала. Мы не расставались две недели, запершись вдвоем в квартире, даже не выходили на улицу, заказывая еду на дом. Этим поступком Даша вызвала негодование всей своей родни. Ее муж регулярно названивал по телефону и бродил в окрестностях дома, будучи вне себя от горя. Потом узнал адрес, ночевал на лестничной клетке, угро-

жая ей сброситься с балкона. Тогда я сказал ей: «Иди». И она ушла... В конце концов, у меня уже была другая жизнь. Даже со своим чужим лицом я к тому времени свыкся.

Она отдала мне при расставании нательный крестик, и я взял его, понимая, что принимаю на себя не только наши общие, но и ее грехи. Взял сознательно, мне хотелось, чтобы ее жизнь сложилась в соответствии с первоначальным божественным замыслом. Насколько я знаю, сейчас она счастлива. И после рождения второго ребенка, мальчика, названного в мою честь, наши встречи надолго прекратились. Думаю, теперь уже навсегда. Впрочем, замысел Бога, я убеждался в этом не единожды, понять иногда бывает довольно сложно. Еще мне сложно понять, по какому такому совпадению мальчик Степа родился ровно через девять месяцев после нашего бурного двухнедельного романа. Она заверила меня по электронной почте, что он не мой, и я поверил.

* * *

Но мы немного забежали вперед. Вернемся к тому периоду моей жизни, когда выкрашенный в белый цвет украденный в Подмоскowie тонар превратил пару молодых людей в успешных коммерсантов. В те времена иллюзии и энтузиазм были настолько сильны, что казалось, малый бизнес способен любого сделать богачом. Поскольку все мы были нищими, многие владельцы палаток, и правда, стали ощущать себя «новыми русскими» – приобрели сотовые телефоны (в те времена – здоровенная бандура с толстой антенной), а еще красные и малиновые пиджаки. Я ходил по району важный от собственной значимости, с трубкой от домашнего радиотелефона. Мне подарил ее дядя-радиоэлектронщик, собрал сам. Радиус покрытия в несколько километров делал меня похожим на богатея, чем я немало гордился. Но до палатки телефон, увы, не добывал. Поэтому, миновав ее, я сразу превращался в обычного пролетария. Да и яркого пиджака у меня никогда не было: сначала я ходил в джинсовой куртке, потом в дорогом кожаном пиджаке, затем снова сменил его на ту же старенькую джинсовую куртку, когда кожаные пиджаки вышли из моды. После настала пора носить деловые костюмы. И я перешел на них...

В первый же день открытия тонара у меня появилась возможность убедиться, как сильно я заблуждался, думая, что открыть малый бизнес в новые времена – это несложно. Ко мне немедленно пожаловал местный участковый, чтобы выяснить, чья это палатка, и почему здесь стоит. Меня он принял за продавца, в связи с юным возрастом, и я не стал его разубеждать. Милиционер строго приказал: палатку закрыть, торговлю прекратить, а владельца он просит явиться к нему на разговор, «вот телефон и номер кабинета»...

Я могу найти общий язык практически с любым человеком, исключая разве что круглых идиотов. Такие мне тоже встречались в немалых количествах. И я тратил на них свое время, чтобы понять – были они такими рождены или стали идиотами со временем. Души раздаются хаотично, окружающая среда оказывает крайне малое влияние на свойства личности. И теплый мальчик, растущий в любви, может стать жестоким убийцей. А имеющий склонность к насилию паренек способен вырасти достойным человеком. Арсений Валерьевич Лановой, наш местный участковый, был круглым идиотом. Об этом я заявляю со всей ответственностью...

Прежде чем идти на разговор, я решил хорошенько подумать, чем мне грозит этот визит, и что мне стоит говорить, а о чем говорить не стоит. Меня сильно пугала возможность, что может обнаружиться, что тонар ворованный. Я решил покурить травы – и подумать.

* * *

Время от времени под травой я впадал в задумчивость, погружался в размышления о жизни, о том, кто мы, куда идем, и самое главное, зачем идем. Наше бытие представляется

мне шуточной довольно бессмысленной. Многие вещи кажутся недоступными, необъяснимыми. Наука не дает ответа на мои вопросы. И вера не дает также, хотя порой я верую неистово.

Мне, например, сложно осмыслить, что есть сознание, и как наша нервная система, этот сложный природный механизм, уживается с душой. Правда, некоторые вообще отрицают ее существование. Но я для себя этот вопрос давно решил – душа есть. Не только у человека, но и животных, и у растений, и даже у некоторых предметов, считающихся по какому-то странному недоразумению неодушевленными.

А что если однажды некто откроет душу и сумеет отделить ее от тела? Отделить – и поместить в иной сосуд. Кажется, восточная религия утверждает, что душа есть даже у камня. Но вы только представьте себе одухотворенный камень. Он не имеет органов восприятия, не имеет чувств, следовательно, не может реагировать на окружающую действительность. Одухотворенный камень не способен мыслить, поскольку у него нет головного, да и спинного, мозга, нет нейронов, синапсов и прочих компонентов для осуществления такой сложной деятельности, как мышление. Сравним камень и человеческое тело. Твердый минерал, не обладающий сознанием, даже в саду камней он не способен обрести целостность личности. И тело – совершенный инструмент, сосуд для души, созданный когда-то лишь для того, чтобы душа могла чувствовать и воспринимать окружающую действительность...

Я затынулся и передал папиросу Боре Стахову. Он, как и я, глядел в потолок с черными кругами от спичек на побелке. Мы сидели под лестницей на батарее и курили траву.

«Ну, меня и унесло», – подумал я. Тряхнул Стахова за плечо. Он очнулся, следом за мной выныривая из мира мутных философствований.

– Хорошая трава, – одобрил Стахов. – Там еще есть?

Я помотал головой. Говорить не хотелось.

– Проблемы у меня, – сказал я. – Участковый на разговор вызывает.

– И поэтому ты решил травы покурить? – Стахов хмыкнул.

– Помогает думать.

Не знаю, почему я так считал. Теперь я полагаю иначе. Каннабис, если вдыхать его дым регулярно, вызывает заметный дефект личности, человек меняется почти до неузнаваемости. Взять хотя бы Борю Стахова. У него был весьма широкий круг увлечений: от классической литературы и музыки (он играл в группе на бас-гитаре) до первых националистических сходов.

Тогда эти организации только-только стали появляться, их никто не контролировал, и националисты спокойно собирались по квартирам и подвалам, печатали разнообразную литературу, в основном, брошюры понятного содержания, и дурили мозги подросткам, намереваясь создать из них армию для захвата власти в стране. Между прочим, среди тех идейных националистов, стоявших у истока движения, были и весьма известные люди. Некоторые потом решительно открестились от своего участия в движении, рассказывать о патриотической политике в парламенте, занимать посты советников в мэрии.

Боря Стахов верил в превосходство русской нации неистово, с фанатизмом сильно обиженного нацменами. В организации он числился писарем, и радостно рассказывал, как они планируют со временем взять почту, телеграф и вокзалы – и создать Великую Российскую империю. Травой при этом он увлекался все сильнее, а любители марихуаны (я давно это заметил) не только к социальному протесту, но и к любым активным действиям не способны. Вскоре круг его интересов стал стремительно сужаться. Сначала Стахов полностью охладел к музыке. Затем перестал читать – совсем, говорил, что на чтение времени не хватает. Дольше всего продержались националистические идеи, но затем и они перестали его увлекать. Теперь, в основном, он рыскал по району в поисках травы. Жесты Бориса стали весьма характерны, как и манера речи. Он уже не реагировал на шутки. И воспринимал мир, даже не будучи укуренным, как нечто иллюзорное. Словно все вокруг – туман, а он идет через него, не слишком поспешая.

Сторонники легализации легких наркотиков считают, что марихуана абсолютно безвредна. Они полагают, только тяжелые наркотики могут вызывать необратимые изменения психики. Я больше доверяю своему опыту и наблюдениям за людьми. Боря Стахов впоследствии выносил из дома вещи, и продавал их за бесценок, чтобы закупиться травой. Причем, дошел до такого состояния довольно быстро – за пару лет. Я, признаться, полностью, потерял к нему интерес через некоторое время. Жизнь наркомана слишком пуста и подчинена одной только цели – достать еще зелья. Меня же вело по жизни не только любопытство (что еще ожидает меня там, за поворотом судьбы?), но и могучий инстинкт самосохранения, не позволивший мне превратиться в ничто.

* * *

Каким-то волшебным образом мне удалось, не посещая коррумпированного милиционера Арсения Валерьевича Ланового, держать палатку открытой около четырех месяцев. Участковый регулярно заявлялся на точку, свирепо тарачил светло-голубые рыбы глаза и требовал немедленно прекратить торговлю. Я с печальным видом опускал ставни, и обещал, что владелец посетит его в самое ближайшее время.

– Просто он сейчас в отъезде, – врал я, – вместо него другой сейчас, а он ничего не решает.

– Пусть другой зайдет, – говорил участковый, – с ним все порешаем. Пусть не сомневается.

Так продолжалось до тех пор, пока на вырученные деньги мы не открыли еще одну палатку. На этот раз – возле метро, на кругу, где парковались таксисты. Ее владелец кому-то задолжал деньги, и поэтому продавал ларек за бесценок, главное – срочность. Я перебрался на круг, а в палатку нанял продавца.

Сначала я думал, Серега займется торговлей. Но он, услышав об этом, громко фыркнул:

– Я? В палатке? Да никогда!

Впоследствии у Сереги были времена, когда он согласился бы и на такую работу. Но пока он был полон пафоса, ощущения собственной значимости. Ему казалось, это именно он организовал бизнес. И теперь все пойдет по накатанной – ничего не надо делать, деньги сами будут сыпаться в ладошки. Но ни один бизнес не способен развиваться самостоятельно. Ни одно предприятие не сможет успешно функционировать без умного человека у руля. В любом деле важен грамотный управленец. И этого управленца необходимо контролировать. Если владелец ослабляет внимание к собственному делу, оно непременно развалится, или же перейдет в руки того, кто в этом заинтересован и более сведущ.

Поиск продавца – дело серьезное. Один мой знакомый нанял на работу первого встречного. В тот же день только что трудоустроившийся паренек напился вдребезги – и принялся раздавать товар всем, кто проходил мимо, абсолютно бесплатно. А потом, чтобы скрыть недостачу, поджег палатку – и уехал на родину в Вологду, где его так и не нашли. В общем-то, довольно веселая история. Правда, она не показалась таковой владельцу злополучной палатки.

Я дал объявление в газету. Уже на следующий день появилось два молодых человека и девушка. Девчонка была смазливой, отличалась фрикативным «г» в речи. Она приехала в Москву из украинской глубинки. Несмотря на «г» она очень глянула Сереге.

– Ее берем! – заявил он уверенно.

– Нет! – я был настроен решительно. – Ее точно не берем.

У меня сильно развита интуиция, я обычно легко определяю людей, за которыми тянется шлейф проблем. Не ошибся я и на этот раз. В данном случае, главной проблемой девушки был ее муж – бандит мелкого пошиба, не признающий никаких авторитетов, не способный воспринять никакую, даже самую примитивную, аргументацию.

Девушка эта вскоре переехала к Сереге. Благо, жил он совсем один, в оставленной ему по наследству бабушкиной квартире. Недели через три под окна серегиного дома заявился муж украинской красоти – и потребовал нового ухажера выйти на разговор.

– Ты не мог бы с ним поговорить? – попросила девушка, сделав круглые глаза. – Я его боюсь, он меня преследует. Он такой страшный человек. От него даже собственные родители отказались.

Не обратив внимания на эти слова, Серега, уверенный в своей богатырской силе, вышел во двор. Он намеревался просто поговорить с украинским хлопцем, вразумить его, попросить больше не преследовать девушку. Тот вылез из новенькой девятки и в спортивном костюме Адидас маялся у подъезда.

– Привет, – сказал Серега. И тут же получил такой мощный удар в челюсть, что моментально лишился четырех передних зубов и оказался на асфальте. Он помотал головой, приходя в себя, и увидел, что обидчик, ухмыляясь, скачет, как на боксерском ринге.

– Ну че? – боец сплюнул. – Еще хочешь, москаль клятый?

Серега, не будь дураком, метнулся к подъезду и забежал внутрь. Украинский хлопец орал ему вслед:

– Сыкло, куда побежал?! Эй, ты, сука, ты видишь, вообще, с кем связалась? Это же сыкло натуральное...

«Сыкло» тем временем поднялось по лестнице, достало из шкафа бейсбольную биту (тогда их было мало, и все они были нарасхват) и стремительно вернулось на поле боя. Увидев, что расстановка сил коренным образом поменялась, муженек решил ретироваться и запрыгнул в машину. Серега был достаточно быстр, чтобы снести зеркало, выбить пару стекол и как следует пройтись битой по кузову. После чего девятка наконец завелась, дала по газам и исчезла за поворотом.

Серега вернулся домой, посмотрел на себя в зеркало, сосчитал зубы и ужаснулся. Он схватил сумку смазливой девушки с Украины и вышвырнул ее с балкона. Затем открыл дверь и вышвырнул уже девушку.

– Пошла отсюда, шалава!

Она визжала и упиралась. Потом сидела под дверью и подвывала, как побитая собачонка. Громкими рыданиями девушка привлекла внимание соседей. Все вместе они долго уговаривали Серегу пустить несчастную в квартиру, но он был непреклонен.

Хотя он наверняка не согласился бы со мной, я думаю, в тот момент Серегой двигал страх. Этот глубинный эмоциональный процесс заставляет нас совершать самые постыдные поступки. Он делает нас более животными, нежели людьми. Порой, когда невозможно объяснить, почему человек поступил так или иначе, все предельно просто – виной всему именно он, страх.

Я, к примеру, после больницы стал чудовищно жесток в драках. Я видел, что могут с тобой сделать противники, если их не остановить. Моя боязнь перед увечьем, страх перед физической болью, заставляли меня действовать решительно и жестоко.

* * *

Однажды я возвращался на поздней электричке от Даши. На метро пришлось бы сделать огромный круг, а на электричке от меня до нее, и от нее до меня, было всего несколько станций. Я стоял в тамбуре, пил Жигулевское из бутылки, и слушал в плеере шансон – Николая Резанова, а может, Аркадия Северного... Два прибалтненских придурка в черных кожаных куртках нарисовались в считанные мгновения. Им нужны были деньги. Один достал нож и перерезал провод наушников. Музыка резко оборвалась. И уже в следующую секунду, я, перехватив бутылку за горлышко, опустил ее на голову урода с ножом. Бутылка разбилась с глухим

звоном, порезав мне руку. Розочкой я ткнул другого в лицо – единственная открытая часть тела. Острые стекла пропоролы ему нос и щеку. Кровь хлынула фонтаном, залила рукав моей джинсовой куртки. Он завизжал, как поросенок, закрыв лицо, заметался по тамбуру. Второго я попытался полоснуть наотмашь, но он увернулся. Тогда я врезал ему левым кулаком по скуле, и почувствовал, что нож ткнулся мне в локоть. Розочкой я саданул его в голову, над ухом. Она полностью раскололась, и он рухнул возле дверей, подвывая. Я принялся бить их ногами, добивать, чтобы уложить, чтобы они не поднялись, и не причинили мне вреда. Целился, в основном, в лицо, так вернее. Затем распахнул дверь и побежал через вагон, весь заляпанный чужой кровью.

В сущности, им повезло. Потому что у меня был с собой пистолет с боевыми патронами, с которым я не расставался. Но во время драки, охваченный страхом, я о нем даже не вспомнил.

Поезд вскоре остановился, и я вышел. После чего постарался убраться подальше от места побоища. Я не был уверен, что эта драка обойдется без последствий. На локте у меня оказался глубокий порез, но кровь быстро остановилась. На ладони и вовсе – царапина. Наушники было жалко – они стоили недешево. Но, в целом, я легко отделался. Этих веселых ребят я больше никогда не встречал. Думаю, они запомнили меня навсегда. Возможно даже, решили завязать с гоп-стопами. Меня греет мысль, что один из них, глядя в зеркало, всегда думает не только о себе, но и обо мне, и еще о том, что последствия преступлений могут быть самыми разными...

В другой раз я ехал на поезде из Ростовской области. Зашел в вагон-ресторан, заказал себе коньячку, немного еды. Собирался провести время спокойно, в тишине и размышлениях о жизни. Но какие-то отморозки, справлявшие то ли День рождения, то ли чьи-то поминки, пристали к девушкам. Сколько раз я давал себе зарок не вмешиваться (особенно после больницы), но всякий раз, оказавшись в подобных обстоятельствах, веду себя так, словно мне больше всех надо. Поначалу они просто пытались познакомиться, но потом, когда их в очередной раз отшили, стали наглеть. Один из них, с темными волосами, как у кавказца, залепил девушке оплеуху. Я встал, прошел по вагону и уселся рядом с девчонками, прямо напротив нахала.

- Ты чего к моим девушкам пристаешь? – поинтересовался я.
- Чего? – он не понял, распаленный алкоголем и ссорой.
- Пойдем побазарим в тамбуре, – попросил я.
- А пойдем! – он вскочил, всем своим видом демонстрируя решимость.
- Димон, ты куда?! – рванулся за ним один из приятелей.
- Сидеть, ща вернусь, – одернул его Димон.

Мы вышли в тамбур. Здесь паренек сразу повел себя агрессивно. Стал толкать меня в грудь, через губу спрашивая: «Ну, чего тебе? Ну, чего тебе надо?!». Так он дотолкал меня до двери, я пощупал ручку и понял, что она не заперта. Хотя обычно проводники запирают двери.

– Спокойно, Димон, – сказал я, уперся ему в грудь и резко оттолкнул. А когда он ринулся на меня, отскочил в сторону, открыв дверь и, зацепив его за одежду, вышвырнул наружу. Поезд шел километров сорок в час. Насколько я успел заметить, он покатился по насыпи. Беззвучно. А может, крика просто не было слышно.

Я аккуратно прикрыл дверь. Очень вовремя. В тамбур ввалился один из приятелей скоропостижно покинувшего поезд пассажира.

- А где Димон? – удивился он.

Я пожал плечами:

- А он что, не возвращался?

– Н-нет.

– Наверное, в купе пошел, – предположил я. – И вообще, что ты меня спрашиваешь? Я что, слежу за ним, что ли?

Я вернулся в вагон-ресторан, подсел к девушкам. В отсутствие главного дебошира его друзья оказались вполне сносными людьми. Во всяком случае, нас они больше не беспокоили.

Я заказал девушкам вина, себе еще коньячку. Дорога до Москвы была неблизкой, так что я собирался провести время, по крайней мере, не скучно. По иронии судьбы, мне понравилась именно та девушка, которой бедняга Димон залепил пощечину. К своему стыду, я совершенно не помню, как ее звали...

Зато отлично помню, как, заплатив проводнику, в его купе я обладал ее упругим молодым телом, испытывая прежде незнакомое чувство. Я ощущал себя во время этого соития завоевателем, получившим в результате схватки лучшую самку. Пусть поединок был не совсем честным, кого это волнует. Один из его участников, наверное, топает по рельсам, думал я, а другой наслаждается понравившейся ему женщиной. При этом ко всем прочим ощущениям примешивалось острое чувство вины. Вы поймете меня, если узнаете, что из Ростовской области я ехал не один, а вместе с Дашей. Мы серьезно поругались, прежде чем я пошел в вагон-ресторан. Она так и не дождалась моего возвращения, легла спать. Ей даже в голову не могло придти, что я сумею найти в поезде подобные приключения и девушку на одну ночь. Попрощавшись с ней, – мы долго целовались в тамбуре, – я купил в ресторане пару бутылок пива, чтобы запить коньяк, и направился по вагонам искать свое место. По дороге я вспомнил, что забыл взять у красавицы телефон, но мне уже было не до того – я был пьян и хотел спать. Добрался – и завалился на полку.

Утром мы помирились с Дашей. Я поведал ей, что надрался в вагоне-ресторане и пожаловался на чудовищное похмелье. Девушку я видел потом на перроне в Москве, она жеманно мне улыбнулась. Но утром она уже не казалась мне столь же привлекательной, как ночью, и я отвернулся, сделал вид, что не узнал ее. Больше мы никогда не встречались. Какова судьба отставшего от поезда пассажира, я тоже не знаю. Может так статься, он сломал шею и остался лежать возле железнодорожного полотна. Я не испытываю по этому поводу никаких угрызений совести. Уверен, жизнь подонка не стоит столько же, сколько жизнь настоящего человека...

* * *

Выбирать продавца нужно было из двух ребят. Один из них – невысокий и белокурый, сразу видно – мальчик из приличной семьи, такого с радостью взяли бы на работу в любой офис. Многие идиоты до сих пор подбирают персонал по физиономическим признакам. Как будто приятная внешность – гарантия отличной работоспособности. Особенно этим в корне неправильным подходом отличаются разнообразные кадровые агентства и слабо разбирающиеся в людях эйчары. Другой паренек повыше – с синяком под глазом. Его-то я и взял после краткой беседы. Мне сразу стало ясно – парень умный и честный, именно ему я смогу доверять. И снова оказался прав, в чем убедился впоследствии. Синяк пройдет, а натура не изменится.

* * *

Знакомство с Дашиными родителями состоялось примерно через месяц после нашей встречи. Как я уже упоминал, я буквально боготворил эту девушку. Для меня она была ангелом, спустившимся на землю с небес. Небес из голубого хрусталя. В нем плещется игристое шампанское и страсть. Весьма inferнальное желание – обладать ангелом. Причем, в самом примитивном физическом смысле. Но с другой стороны, этот ангел сотворен из плоти и крови. Она была так прекрасна, что первое время я боялся к ней прикоснуться. Мы просто гуляли по улицам, возле местных прудов, сидели на поваленном, но живом, дереве. А потом я ее поцеловал... Никогда прежде от поцелуя у меня так не кружилась голова. Это ощущение повторилось потом, через много лет, во время нашего краткосрочного, уже взрослого, романа. Поцелуй – и все плывет, будто девушка обладает способностью опьянять. Родители ангела представлялись мне людьми возвышенными и прекрасными, ведь только небожители способны сотворить

столь прекрасное создание. Я сильно ошибался. Природа весьма причудливо тасует гены поколений – и создает удивительные типажи, из выродившейся породы она может вдруг сотворить совершенство.

Дашин папа, простой рабочий, трудился на заводе слесарем. Среди пролетариев есть очень много достойных и честных людей. Увы, Александр Мартынович к ним не относился. И даже напротив. Наша первая встреча с ним поразила меня в самое сердце. Хотя и тогда мне казалось, что я успел всякого повидать и достаточно ожесточиться. Даша немного задержалась с прогулки, мы загулялись до темноты. Я проводил ее до квартиры и с большим сожалением выпустил из пальцев ее теплую мягкую ладонь. Дверь распахнулась от удара. Краснолицый, сильно пьяный человек схватил мою Дашу за плечо – и швырнул вглубь квартиры.

– Ах ты, сука, блядь! Ты че шляешься, блядь такая?! – заорал он. И захлопнул дверь у меня перед носом. За ней слышалась еще более грязная брань и Дашины крики.

Я стоял, как громом пораженный. Моего ангела, мою бледнокожую хрупкую девочку, ругали последними словами. Да как она может жить в этой квартире, с этими людьми?!

Я решительно позвонил в дверь. Брань не утихала. Снова и снова я нажимал на дверной звонок. Пока не услышал из-за двери папашино:

– А ну иди на хуй, че те надо?! А то ща выйду, бля...

Затем громко закричала Даша:

– Папа не надо, пожалуйста... Степа, прошу тебя, уходи.

Я спускался по лестнице, не понимая, где нахожусь. Сердце глухо колотилось в груди.

Добравшись до дома, я позвонил ей и долго уговаривал уехать со мной прямо сейчас. Куда угодно. Лишь бы она вырвалась из этого дома.

– Он не может, не должен с тобой так обращаться, – твердил я. Пока меня не привел в себя Дашин окрик:

– Это мой папа. Он прекрасный человек. Ты просто его не знаешь.

– Что? – в первое мгновение я даже не понял, что она говорит. До такой степени ее слова по смыслу не соответствовали моему восприятию ситуации. Но дальше она начала рассказывать, как ее отец много и тяжело работает, что он сильно устает, что ему приходится пить время от времени, чтобы расслабиться. И что я его просто не знаю, а когда узнаю получше, то пойму – он замечательный.

В тот момент я осознал, что подобное поведение отца и оскорбления для Даши, увы, привычны. Папаша не только ругался, иногда он бил посуду, ломал мебель, порой поколачивал и ее и мамашу.

Но я к его выходкам так и не привык. Однажды я и сам был нетрезв и зол, пришел к Даше, и когда он в очередной раз стал крыть ее последними словами, а потом без всякой причины попытался ударить меня в лицо, увернулся – и как следует засадил ему в подбородок с правой. Он со стоном повалился в коридоре. После чего Дашина мама стала отчаянно кричать, что я убийца, у меня это «на морде написано». С тех пор от посещения Дашиного дома мне было отказано, о чем я, впрочем, никогда не сожалел. Мне совершенно нечего там было делать в присутствии ее родителей. А, когда их не было, я заходил регулярно.

Дашин отец однажды набрался и решил позвонить моим родителям. Трубку взяла мама. Икая, он сказал:

– Пусть твой сынок ко мне больше не приходит!

– А он не к вам приходит, – ответила мама. – Он приходит к вашей дочери. И знаете, я бы очень расстроилась, если бы он к вам приходил.

В общем, отношения наших родителей не сложились. Как и наши с Дашей отношения, в конце концов. Мой ангел тоже оказался человеком из плоти и крови. Однажды я узнал, что она мне изменила, и немедленно ушел. Потому что настоящие мужчины измен не прощают.

Ей очень повезло, что ее нынешний муж придерживается иных взглядов. Ей, вообще, с ним очень повезло.

Еще будучи вхож в дом, где ангел жил со своей незамысловатой семьей, на антресолях я обнаружил целые стопки литературных журналов. И принялся читать их с увлечением. «Новый мир», «Иностранная литература», «Нева», «Дружба народов», ... Тогда я читал очень много художественной литературы. Сейчас – гораздо меньше. По большей части, специализированную литературу по работе и краткие выдержки из статей, отобранные секретарем. Мне показалось странным, что литературные журналы оказались в Дашиной квартире. Не папа же – опытный слесарь второго разряда – их читал... Мама, работавшая фельдшером, тоже вряд ли имела отношение к этим изданиям. Тогда Даша поведала, что в комнате, где на стеллажах пылились журналы, когда-то жил пожилой профессор. А квартира раньше была трехкомнатной коммуналкой. В две комнаты въехало Дашино семейство – ее родители перебрались в Москву из Тамбовской области, за лучшей жизнью – работать по лимиту, и им выделили жилье. Профессор через некоторое время умер, к бурной радости Дашиных родителей, и лимитчикам решили подселить другого жильца. Их это никак не устраивало. И тогда Александр Мартынович, будучи человеком хоть и тупым, но очень упертым, занял круговую оборону – забаррикадировался в квартире вместе с женой и старшим сыном и сказал, что никуда не уйдет, а прямо здесь умрет с голода. Скандал случился хоть и локальной, но весьма ощутимый. В новые времена им, скорее всего, просто взломали бы дверь, и выволокли из квартиры силком. Но советская власть, хоть ее и принято ругать, отличалась порой гуманизмом. Особенно, когда речь шла о заводских рабочих. «Черт с вами, живите пока», – сказала советская власть. И они зажили втроем в трехкомнатной квартире...

Мы с Дашей довольно долгое время просто гуляли, взявшись за руки. Потом стали целоваться до изнеможения. Чаше всего на улице, на прудах, в троллейбусах – специально выбирали пустующие маршруты и ехали до конечной. Нам некуда было пойти. А потом наступило лето, ее родители уехали на две недели в деревню под Тамбов, и мы наконец перешли последний рубеж.

Тем же вечером Даша поведала мне, что у нее есть молодой человек. Оказалось, он вот уже полтора года служит в армии. Поэтому она берегла свою девственность до его возвращения – так они с ним договорились. Не сберегла. Но все равно, после того, как я ушел, она вернулась к нему. И он ее принял. Для меня странно, когда любовь оказывается выше гордости. Я никогда не смог бы поступиться ею.

– Что же ты будешь делать? – спросил я Дашу. Известие о молодом человеке порядком меня покорило.

– Наверное, вернусь к нему, – она закусила губу. – Мои родители говорят – я так должна сделать.

Кто знает, может, они и были правы. В отличие от меня, в этом молодом человеке родителям нравилось все. Прежде всего, семья. Они дружили семьями, когда-то вместе приехали из Тамбовской области. К тому же, парень был простой и работающий. Я, по их мнению, занимался какими-то мутными делами («а вдруг он торгует наркотиками?!»), а он поступил в техникум, оттуда ушел в армию, по возвращению собирался восстановиться. У меня была разбитая в драке морда, кое-как залатанная врачами («что ты только в нем нашла?!»), а у него – лицо героя советских кинолент о комсомольцах и покорителях целины, белозубая улыбка и льняные вихры. К тому же, он никогда не использовал непонятных слов, и если что-то говорил, то напрямик – то есть имел в виду именно это, а не что-то совсем другое. Даже то, как я общался («слишком быстро!») вызывало у них раздражение. Они не всегда успевали понять, что именно я сказал. А меня крайне утомляла любая беседа с ними. Даже от необходимости перекинуться парой фраз с Дашиной мамой я заранее испытывал усталость...

Наша близость стала регулярной. Она запускала мне руку в джинсы и ласкала меня на черной лестнице, когда у нас не было возможности уединиться в квартире. При этом мы постоянно встречались у Сереги. И свидания эти стали настолько частыми, что он предложил мне сделать отдельный ключ. Чем я не преминул воспользоваться. Правда, через некоторое время Серега об этом пожалел – и ключ забрал.

Через некоторое время случилось то, что должно было случиться. Даша забеременела. Для нее это событие стало настоящей катастрофой. Она не знала, как сообщить об этом родителям. Меня она оповестила слишком поздно. У меня как раз начались проблемы с делами, и я некоторое время был недоступен. Если бы тогда я оказался рядом, скорее всего, моя жизнь развивалась бы по совсем иному сценарию. Неизвестно, лучше она была бы или хуже. Но факт остается фактом, она была бы другой.

Даша слишком доверяла своей маме. Кстати, когда я видел ее в последний раз, с мамой она не общалась совсем. Потому что осознала всю жестокость этого недалекого человека. С кем еще девочка в семнадцать лет может поделиться своей проблемой? Тем более, такой интимной. Конечно, с самым близким человеком – с мамой.

– Ничего ему не говори, – посоветовала мама. – Ты на него посмотри, он тебя сразу же бросит. У него таких, как ты, небось, полным-полно.

Она отлично знала, что нужно делать в такой ситуации. Дашина мама, как я уже упоминал, работала фельдшером. В тот же день, когда дочь сообщила ей о беременности, мама отправила ее на аборт. Причем (она сама об этом упоминала впоследствии – «чтобы неповадно было»), аборт Даше делали без анестезии.

А я узнал об этом лишь через несколько дней. Моя Даша вышла ко мне бледная, в красном платье и, рыдая, обо всем рассказала.

– Не знаю, как я не умерла, – сказала она. И я тоже заплакал. Я даже не мог на нее рассердиться. Она была просто маленькой, растерянной девочкой. И для меня осталась такой навсегда...

Несмотря на аборт без анестезии, Даша впоследствии родила двух абсолютно здоровых детей. А этот грех, изменивший нашу судьбу, я тоже взял на себя, когда она подарила мне свой нательный крестик. Пусть у нее все будет хорошо, думал я. А я, наверное, никогда ее больше не увижу. Но в этом есть и плюсы – я никогда больше не увижу и Дашиных родителей...

Даша рассказывала мне потом, во время нашего романа, что мама живет в одиночестве, где-то в однушке на окраине Москвы. Ту трехкомнатную квартиру давно разменяли, и даже дом снесли в период борьбы с хрущобами. Дашин папа заболел раком легких, но его вылечили – и отправили в тамбовскую деревню, доживать свой век с одним легким, на свежий воздух. Даша рассказывала мне, что он там почти беспробудно пьет. И регулярно получает по мордам от местных мужиков – за дурной характер и отсутствие правильных понятий. Закономерный финал. Я вспоминаю их без всякой злости. Разве могут вызывать злость пустотелые существа, не наделенные душой?..

* * *

Мне никогда прежде не приходилось сталкиваться с милицией, и я до последнего оттягивал визит к участковому. Но так уж получается в нашей многострадальной Родине – если ты сам не хочешь идти в милицию, то милиция придет за тобой. Сначала они забрали в отделение продавца. Всего через два дня после того, как парень вышел на работу. Ему объявили, что назначат «козлом отпущения» за все грехи владельца палатки, и подбили второй глаз. Хорошо, что он был тертым калачом – и не подписал ни одной бумажки. Хотя ему подсовывали их – и немало. Ничего не добившись, они его немного попрессовали (в основном, угрожали вербально – меня вскоре ждал куда более жесткий прессинг) и отпустили восвояси. Но попросили

передать мне, очень настоятельно, что ждут меня на разговор, «и не дай бог мне не явиться»... Потом ночью они приехали на вторую точку – и закрыли ее, пообещав утром палатку вывезти. Причем, вывезти вместе с товаром, и так, что я никогда не узнаю, где она. Угроза была отнюдь не зряшной, такие вещи чувствуются. Больше откладывать было нельзя. Поэтому я сказал, что хозяин палатки непременно придет на разговор в отделение завтра же – и «занесет». Это слово возымело волшебное действие. «Вот и отличненько», – потирая руки, как сытые мухи, бывает, трут лапки, менты уселись в желто-синий УАЗ и отчалили. Однако облегчения я не почувствовал – предстоял тяжелый разговор в кабинете участкового...

Разложение в органах внутренних дел длилось десятилетиями. И всех это раньше вполне устраивало. Говорить о том, что наша доблестная милиция превратилась в рассадник криминала, начали только в конце десятилетия двадцать первого века. Бравые парни с окраин России ехали в Москву, где устраивались в органы только с одной целью – припасть к кормушке и быстро обогатиться. Простой участковый на Мерседесе никому не мозолил глаз. Обыкновенный майор, проживающий каждый день в ресторане ежемесячную зарплату, никого, в общем, не раздражал. Строивший многоэтажный особняк опер был в порядке вещей. И конечно, влияние их было безграничным. Попав во власть, они тут же начинали ощущать себя хозяевами жизни. За их спиной была насквозь коррумпированная система, позволявшая своим сынам жить красиво. Система, знали они, своих не сдаст, здесь рука руку моет, и не только моет, но и кормит – снизу вверх идут откаты по цепочке, прирастая от сержанта к лейтенанту, от лейтенанта к капитану, от капитана к майору, от майора к подполковнику и полковнику, а от полковника уже к самому генералу. В это самое время менты еще не были столь могущественны, как немного позже, когда знаменитое Управление по борьбе с организованной преступностью разметало бригады братков, посадило самых борзых в тюрьмы или отправило в расход, и крышевание бизнеса, этот сверхдоходный псевдоохранный бизнес, полностью перешел под эгиду доблестной российской милиции. А поскольку управление само постепенно превратилось в огромную бандитскую бригаду, состоящую сплошь из оборотней в погонах, то его тоже быстро прикрыли, от греха подальше. Опытных успешных оперативников раскидали по другим отделам, чтобы не отсвечивали, но были при кормушке. И сами милиционеры из крышевателей в новые времена превратились в инвесторов. Свои деньги они вкладывали в бизнес, давали молодым, так сказать, дорогу в жизнь, ну и начальный капитал, само собой. И ждали от них благодарности – и выплат по гроб жизни. Но некоторые получившие путевку в жизнь, потом теряли контроль, им начинало казаться странное – что они сами всего добились, потом и кровью, так сказать, тяжелым трудом на деловой ниве. Отказавшихся от выплат сначала предупреждали, потом предупреждали жестко, а потом находили им заместителя, отбирали дело, заставляли продать бизнес за бесценок, не зачитав даже права для проформы, как это принято на Западе. И повезло тем, кто сбежал от своих милицейских боссов из страны. Я, кстати, оказался в их числе. Куда печальнее участь тех, кого просто прирезали, как ненужную, зараженную вирусом скотину, или сгноили в тюрьмах. Наверное, ни для кого не секрет, что в России сфабриковать липовое дело никогда не было проблемой. Помните каноническое – был бы человек, статья найдется? Времена меняются, система нет. Даже если прилепить новую вывеску, сменить название. Поэтому мне было чего бояться...

Я познакомился через пару лет после этих событий с одним милиционером из Пензы (название города изменено), любителем погонять на БМВ пьяным, да еще и по встречной полосе. Так он демонстрировал лихость. А я, хоть и не робкого десятка, едва не поседел. Если бы был трезвым, то испытал бы, наверное, еще больший страх. Мы выпили с ним совсем немного, и я спросил его, изображая душевную простоту, откуда у него деньги.

– Так... У меня это... инструментальный магазинчик. Инструментами для ремонта торгует. Ну, как магазинчик... – Он замялся. – В общем, все инструментальные магазины в городе...

Почти все деньги я вкладывал в развитие, и опасался, что откат за право работать может быть настолько велик, что похоронит дело. И был недалек от истины. Поскольку аппетиты у Арсения Валерьевича оказались колоссальные, а в финансовые дела он вникать не желал. Совсем. Лановой жил на широкую ногу – достраивал в Подмосковье трехэтажный кирпичный дом, о чем поведал мне сразу же после встречи.

– Пенсия скоро, мы рано выходим, – сказал он доверительно, – буду в собственном доме на пенсии жить. А там еще столько всего сделать надо... – И сразу же перешел к делу: – Что ж ты, гнида такая, меня за нос водил?

– Так получилось, – ответил я.

– А раз у тебя так получилось, надо бы оплатить всё – за те месяцы, когда выплаты не поступали. Так. Ты палатку когда поставил?

К тому моменту меня уже просветили знающие люди, что платить «крыше», если хочешь иметь бизнес, все равно придется. За каждую точку. Поэтому лучше договориться сразу, иначе проблем не оберешься. Но сумма, которую озвучил участковый, меня просто убила.

– У меня таких денег нет!

– Что, значит, нет? Найди. Ты же не просто так их даешь. Ты штраф платишь, за установку в неполюженном месте, без разрешения. Да у тебя, наверное, и пожарного разрешения тоже нет. Мы тебе все обеспечим. И будешь работать. Ну?..

Удивительно, но тогда участковый милиционер вел такие разговоры с предпринимателями прямо в собственном кабинете, без всякого стеснения. Позже они стали куда осторожнее – передоверили переговоры мелким чинам, бывало, заходили сами, чтобы поговорить, назначали встречи в ресторанах, если речь шла о крупной сумме. Но все эти простые ухищрения взяточников были еще до инвестиционной эпохи, новые схемы пока не были обкатаны и отработаны. Они пребывали в состоянии полной безнаказанности, и творили все, что хотели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.